

Богдан Иванович Сушинский
Полюс капитана Скотта
Серия «Секретный фарватер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654122
Полюс капитана Скотта: роман : Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-3372-0, 978-5-4444-7968-1

Аннотация

Новый остросюжетный роман известного писателя Богдана Сушинского посвящен величественному и трагическому событию в истории цивилизации – походу в 1911–1912 гг. английского полярного исследователя капитана Роберта Скотта к Южному полюсу Земли.

Восхождение к полярной вершине планеты превратилось не только в гибельную борьбу с природными условиями Антарктиды, но и в не менее губительное соперничество за лавры первооткрывателя. Как известно, в конечном итоге в антарктической гонке победил легендарный норвежский исследователь Руал Амундсен. Однако и поныне подробности и обстоятельства этих событий укрыты завесой тайны, а путевые дневники полярников хранятся под грифом «секретно»...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	12
4	15
5	18
6	22
7	28
8	31
9	38
10	41
11	45
12	47
13	51
14	55
15	60
16	62
17	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Богдан Иванович Сушинский

Полюс капитана Скотта

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

Часть первая

Хроника полярного странника

Нигде природа не преподносит нам столь жестокие уроки жизни, как на безжизненных полях Антарктиды.

Автор

1

Пробиваясь сквозь ледовое поле, парусник медленно, с какой-то суровой величиественностью, входил в чистые воды залива, в котором все поражало своей призрачной обманчивостью: и изрезанная небольшими фьордами береговая линия, которая на самом деле была сотворена из почерневшего под летним антарктическим солнцем пакового льда; и прибрежные скалы, каждая из которых в любую минуту могла переместиться или обрушиться на глазах у изумленных странников, поскольку в действительности была всего лишь айсбергом...

И только стайка императорских пингвинов, напоминавшая собрание аристократического «Английского клуба», невозмутимо предстала перед ними во всей своей экзотической реальности, блистая на предзакатном солнце безукоризненностью своих черных «смокингов» и искристой белизной накрахмаленных снежной пылью «рубашек».

Когда, буквально у подножия айсберга, барк «Терра Нова» все-таки сумел развернуться правым бортом к «причалу», нацеливаясь на видневшийся в восточной оконечности гавани ледовый канал, пингвинья публика с истинно королевской сдержанностью поприветствовала команду на своем клокочущем гортанном наречии.

– Похоже, эти «полярные чиновники» действительно кое-что смыслят в мореходном искусстве, – проворчал командир судна Эдвард Эванс, опуская бинокль, которым вот уже в течение десяти минут настойчиво обшаривал окрестное побережье в поисках хоть какого-то выхода из очередной ледовой западни.

– Во всяком случае, они ведут себя, как подобает джентльменам, – признал начальник экспедиции Роберт Скотт, – хотя все еще не понимают, кто мы такие и какого дьявола вторгаемся в их владения.

При своем невзрачном росте и стройной комплекции, он казался рядом с рослым, плечистым лейтенантом военно-морского флота Эвансом случайно оказавшимся на капитанском мостике юнгой, поскольку даже полярная меховая куртка не придавала его фигуре сколько-нибудь заметной солидности. И лишь холодный, волевой взгляд этого капитана первого ранга¹, под которым поживался не один прожженный «морской волк», да еще непроницаемое, застывшее выражение утонченно-«римского», но уже испещренного морщинами, обожженного полярными ветрами лица свидетельствовали, что экспедиция находится во власти человека, хорошо знающего цену подобным морским «прогулкам». Как, впрочем, и цену жестоким красотам Антарктики.

– Не прикажете ли пригласить на борт местного лоцмана, сэр? – подыграл ему стоявший за спинами капитанов штурман Гарри Пеннел.

– Самое время, – Скотт с интересом наблюдал за тем, как пингвин-вожак, державшийся все это время впереди стаи, у самой кромки воды, что-то недовольно пророкотал и важно

¹ Напоминаю, что чин капитана первого ранга военно-морского флота соответствует чину полковника всех прочих родов войск.

последовал по ледовому припаю вслед за судном, увлекая за собой остальных «встречающих». Поведение этих обитателей ледового континента настолько выразительно поддавалось человеческому толкованию, что Скотт невольно увлекся им. – А заодно пригласите и представителя местной власти.

– По-моему, господин, который держится впереди толпы, явно смахивает на генерал-губернатора этой колонии, – заметил Пеннел. – И настроен, судя по всему, решительно.

Все, кто пребывал в это время на капитанском мостике и рядом с ним, сдержанно улыбнулись.

– Что там показывают ваши наблюдения, лейтенант? – обратился начальник экспедиции к Пеннелу.

– Шестьдесят градусов одна минута южной широты и сто семьдесят восемь градусов двадцать девять минут западной долготы, сэр, – доложил тот. – Если открывающийся в западной части этого несуществующего залива канал выведет нас на чистую воду, но при этом не заставит уйти на северо-восток, то не исключено, что к утру мы все-таки окажемся в районе, при котором на дальнем правом траверзе² будет виден мыс Крозье.

– То есть, таким образом, мы войдем в море Росса, – пропыхтел сигарой Скотт.

– Что совершенно справедливо, сэр, – ответил штурман фразой, которой обычно отвечал на вопросы любого участника экспедиции.

Капитан вновь обратил свой взор на берег и, по привычке, принялся что-то бормотать себе под нос. Поначалу все, кто не ведал об этой «деликатной странности» капитана, пытались прислушиваться к его бормотанию, переспрашивать, уточнять у него или друг у друга...

Понятно, что Скотту это порядком надоело, и однажды, еще в порту, не выдержав, он громогласно, на всю палубу, объявил: «Довожу до вашего сведения, господа, что все свои сокровенные мысли я доверяю только собственной сигаре. И то лишь потому, что знаю: все, что будет мной произнесено, тут же испепелится в ее пламени! Поэтому впредь в мои беседы с сигарой прошу не вмешиваться!»

Расспросов после этого стало меньше, но даже негромкое обращение к себе капитана некоторые хитрецы пытались списывать на его ворчание и объяснять его стремлением «поговорить с собственной сигарой». Однако в эти минуты он действительно беседовал только со своей сигарой, хотя всем присутствующим хотелось бы знать, о чем они там воркуют.

Кстати, о сигаре... После экспедиции на «Дискавери»³ капитан долго отучал себя от «пиратской», как называла ее Кетлин, трубки, переходя на джентльменскую сигару. Результаты стараний жены сказывались до сих пор: даже на полуобледенелой палубе судна он появлялся с неизменной сигарой во рту, противопоставляя себя всем остальным, явно «пиратствующим», офицерам.

– Я к тому, господа, – повысил голос капитан, вынув на какое-то время сигару изо рта, – что вхождение в море Росса как раз и станет нашим официальным вхождением в прибрежные воды Антарктиды. Не забудьте уведомить об этом команду, штурман.

– Понимаю: «вхождение в Антарктиду» должно стать такой же морской традицией, как и пересечение экватора.

– Только еще более торжественной.

² Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна. Иметь на правом траверзе мыс, гавань или маяк – значит иметь (видеть) их справа по борту, перпендикулярно курсу судна.

³ Имеется в виду Британская национальная антарктическая экспедиция под руководством Роберта Скотта в 1901–1904 годах. В ходе неё английские полярники проводили научные исследования на территориях Антарктиды, известных как Земля Виктории и Земля Эдуарда VII, а также на западных отрогах Трансантарктического хребта. На основе своих дневниковых заметок Скотт описал эту экспедицию в очерковой книге «Путешествие на „Дискавери“».

– Позволю себе напомнить, сэр, что в данной экспедиции «вхождение» совпадет с Рождеством, которое нам предстоит встречать уже завтра.

– Черти б вас исполосовали, лейтенант! – встрепенулся Эванс, на минутку отрываясь от бинокля. – Что же вы до сих пор молчали о праздновании?! Коку об этом событии уже напомнили?

– О Рождестве я только что напомнил вашему первому помощнику, лейтенанту Кемпбеллу, сэр. Сейчас они с коком Клиссальдом и буфетчиком Хупером колдуют над подбором продуктов и над праздничным меню. В которое, полагаю, будет включено мясо добытого вами накануне тюленя, сэр.

– Обычно это не прибавляет мне аппетита.

– А ведь прекрасный был выстрел, смею заметить; такому позавидовал бы любой охотник.

– Рождество в Антарктиде, в разгар антарктического лета! – удивленно повел подбородком командир барка, не обращая внимания на лестный отзыв штурмана по поводу его меткости.

– Смею заметить, такие рождественские каникулы достаются на этой планете не каждому. И потом...

Он хотел сказать еще что-то, но в это время раздался крик матроса, сидевшего на грот-мачте⁴, в «вороньем гнезде» навигатора:

– Канал, к которому мы приближаемся, длится около мили, сэр! Лед мелкий и подвижный! За каналом вижу чистую воду! Много чистой воды, сэр!

– Неужели мы действительно когда-нибудь выберемся из этой ледовой трясины?! – усомнился командир «Терра Новы». – Уже вторую неделю мы попадаем из одной ледовой западни в другую, еще более безутешную.

– Что совершенно справедливо, сэр, – со свойственной ему невозмутимостью обронил Пеннел.

– В Антарктиду, джентльмены, приходят не для того, чтобы возмущаться её бытием, – возразил Скотт, – а для того, чтобы познавать, восхищаться и благодарить. Уже хотя бы за то благодарить, что мы с вами все еще стоим на мостике судна, а не лежим на дне или не скитаемся по льдинам как полярные странники.

– Не знаю, стоит ли она благодарения, – решительно пожал плечами Эванс. – В моем восприятии Антарктида по-прежнему предстает «мертвой землей мертвых».

– «Мертвой землей мертвых»?! – удивленно передернул подбородком Скотт.

– Вот именно, – отрубил командир судна. В последнее время он вел себя так, словно считал появление своего корабля в антарктических водах неким недоразумением: зачем переться в это скопление льдов, если вокруг целые океаны «открытой» воды?! И мысленно винил в этом Скотта.

И если начальник экспедиции до сих пор не сделал ему замечания, то лишь потому, что понимал: не время выяснять отношения, тем более – с командиром судна. Не та ситуация. Поэтому он только пожал плечами и пробубнил себе под нос... Но явно обращаясь не к сигаре...

– «Мертвая земля мертвых». Никогда раньше подобного определения слышать не приходилось. А что, в нем есть нечто такое... От «философии жизни и смерти».

⁴ Грот-мачтой именуют самую высокую из мачт парусника. На трехмачтовом судне она, как правило, бывает средней. Соответственно фок-мачтой называют носовую, а бизань-мачтой – кормовую мачты. На четырехпарусном судне за фок-мачтой следуют первая, затем вторая грот-мачты.

2

В ледовый канал они входили словно в берега извилистой реки с заснеженными холмистыми берегами. Может быть, поэтому капитану Скотту вспомнились берега Темзы, заполненные толпами людей, приветствовавших их «Терра Нову»; расцвеченные мачты судов, провожавших полярников протяжными гудками, и множество яхт и шлюпок, которые, поражая цветами и формами своих парусов, составляли поистине королевский эскорт.

– Тебе не кажется, что они встречают нас как триумфаторов? – нежно прикоснулась к его руке Кетлин. До сих пор она держалась как бы на расстоянии, чтобы не затенять своим присутствием «маленькую фигуру великого первооткрывателя», как однажды отозвалась о своем супруге.

– Увы, пока что они всего лишь с ликованием провожают нас в экспедицию, – с какой-то затаенной, почти мистической грустью в голосе произнес Скотт.

– Но в экспедицию, о которой ты столько мечтал! – напомнила ему супруга. – Чего тебе еще желать?

– Есть одно желание, – с грустной лукавинкой во взгляде произнес капитан. – Хотелось бы, чтобы с таким же ликованием встречали. Или хотя бы просто... встречали; причем такими же, вполне здоровыми, стоящими на палубе...

– Эй-эй, великий мореплаватель Скотт! – с улыбкой на устах и явно ребячась, подергала его за руку Кетлин. – С подобными настроениями в море не выходят! Это вам любой морской волк скажет. И запомните мои слова, адмирал двух океанов: после покорения Южного полюса встречать вас выйдет весь Лондон, вся Британия.

Скотт попытался так же подбадривающе улыбнуться жене, однако улыбка получилась столь же наигранной, как и ее предсказание. От Роберта не скрылось, что весь прошлый вечер, пока он занимался деловыми письмами и прочими бумагами, Кетлин буквально металась по своей комнате, а ночью, отвернувшись, плакала, пытаясь скрыть при этом свои слезы. И хотя капитан напомнил жене, что завтра они всего лишь будут участвовать в официальных проводах судна, после которых «Терра Нова» зайдет в порт Гринхайд, откуда они вдвоем вернутся в Лондон, чтобы вновь взойти на борт лишь через несколько дней, – ее это не успокоило.

Утром, пока он брился, Кетлин горячечно набрасывала на альбомном листе его профиль, хотя – Роберт знал это – из подобных набросков уже можно было бы создавать целую галерею; а затем произнесла вслух то, что ни разу не решалась произносить ни до, ни после этого случая:

– Отменить экспедицию теперь уже вряд ли возможно, это я понимаю. Но подумай, стоит ли тебе идти к самому полюсу.

– Вот как?! – непонимающе уставился на нее капитан.

– Я хотела сказать: «Стоит ли идти к нему именно тебе?». В любом случае эта экспедиция так и останется в памяти научного мира, как «экспедиция Скотта». Ты имеешь на это право, поскольку достаточно рисковал для этого своей жизнью. Да и здесь, в Англии, достаточно много усилий приложил, чтобы экспедиция состоялась.

– Мне знакомо ваше умонастроение, леди Кетлин, – возражая, он всегда обращался к ней только так: «леди Кетлин». Так у них повелось еще со времен предсвадебных встреч. – Но если бы я не намерен был достичь полюса, то вообще не затевал бы ни этот поход, ни даже подготовку к нему. Устыдитесь своей минутной слабости, жена капитана первого ранга.

– Возможно, во мне бунтует сугубо женское предчувствие, – извиняющимся тоном молвила Кетлин. – Однако это уже не настроение, а... предчувствие. Подобные страхи, увы, часто сбываются.

– Если бы древние англосаксы руководствовались предчувствиями своих жен, мы не имели бы не только заморских территорий, но и самой Британии, – с суровым спокойствием парировал Роберт.

– Ответ, достойный истинного британца, сэр, – покорно признала Кетлин, однако глаза ее суше от этого не стали.

Уже по пути из Новой Зеландии к ледовому материку Скотт не раз сожалел и о том, что слишком мало времени проводил в те прощальные дни с женой и сынишкой, и о том, что был с ней по-джентльменски немногословным и по-английски чопорным.

Кетлин, конечно, видела, сколько сил и времени отнимали у него бесконечные хлопоты по сбору средств, которых до последних дней катастрофически не хватало, а также официальные встречи да бесконечные выступления и переговоры. Однако вся эта суета могла служить капитану оправданием только перед «леди Кетлин», но не... перед самим собой.

К ее чести, больше к своим предчувствиям Кетлин не обращалась. А в те дни, которые им обоим оставалось провести в столице, еще и всячески помогала ему советами. Как это было, например, во время переговоров по поводу контракта с агентством «Сентрал ньюс эдженси»⁵ о закреплении за ним исключительного права на освещение экспедиции, а также права последующей передачи этой информации по телеграфу редакциям различных газет и журналов. Или еще более трудных переговоров с редакцией газеты «Дейли миррор», попросившей у начальника экспедиции исключительного права на публикацию всех связанных с ней фотоснимков и кинохроники.

И даже пожурила Роберта, когда во время прощального делового обеда, на который сошлись потенциальные меценаты, он опрометчиво, как считала «леди Кетлин», заявил, что не имеет такой твердой уверенности в успехе полярной экспедиции, какую высказывают в эти дни многие английские газеты.

– Поймите, мой великий мореплаватель Скотт, – почти осуждающе произнесла она, – что истинная уверенность в неминуемом покорении полюса должна исходить от вас, и, прежде всего, от вас. Поэтому какие-либо сомнения здесь не уместны.

– Но они возникают. Если бы мы не были так стеснены финансово, мы значительно лучше подготовились бы к нашей одиссее. Особенно это касается подготовки судна, от состояния которого зависит успех всего первого этапа экспедиции. Взгляни хотя бы на это, – положил он на стол, за которым Кетлин завершала работу над проектом своей очередной скульптуры, три страницы, на коих капитан «Терра Новы» Эдвард Эванс доказывал острейшую потребность команды в краске, парусине, смоле, гвоздях, досках; во множестве других товаров и инструментов.

Кетлин с самым серьезным выражением лица ознакомилась с заявкой капитана, отодвинула ее и строго сказала:

– Все эти неурядицы должны волновать только Эванса и вас, мой великий мореплаватель Скотт. Но никак не романтиков из Королевского географического общества или тех промышленников, которые от щедрот своих подают вам милостыню с усеянного чеками финансистского стола.

– Именно так, «милостыню», признаю, – проворчал Роберт.

– Вы же всегда должны помнить резюме президента общества майора Леонарда Дарвина, высказанное им сегодня во время прощального завтрака с вами: «Достаточно нескольких минут разговора с капитаном Скоттом или с кем-либо из его сотрудников, чтобы убедиться, что они полны решимости добиться своего или погибнуть. Вот он каков – дух этой антарктической экспедиции!»

⁵ «Сентрал ньюс эдженси» – британское «Центральное агентство новостей», с которым Роберт Скотт действительно заключил указанное соглашение.

– Вы правы, леди Кетлин, именно в таком духе он и высказался, – задумчиво признал Роберт.

– Я даже знаю, что ты записал эти слова в свой дневник, чтобы затем использовать в очередной книге, но их еще следует запомнить и осознать. Хотя, признаться, сам этот девиз: «Добиться своего или погибнуть» меня не очень-то вдохновляет. Особенно своей второй частью.

– Мне куда больше запомнился его спич о том, что в ходе подготовки к экспедиции капитану первого ранга Скотту пришлось действовать как моряку, купцу, исследователю, администратору, вербовщику, а главное, – как нищему, везде, где только можно, выпрашивающему подаяние. Он конечно же прав, да только лично я с таким положением не согласен, ибо не подобает Великой Британии подобным образом относиться к походу, который она официально назвала «Британской антарктической экспедицией»; не к лицу ей это, не по-джентльменски все это выглядит. К тому же меня очень тревожит финансовое положение большинства семей тех, кто намерен подарить империи целый континент. Пусть даже ледовый.

– А тут еще вмешался этот трагический случай со смертью короля Эдуарда, – поддержала его Кетлин, – которая сильно отвлекла внимание англичан от твоей экспедиции, как и вызванный этим национальный траур. Как бы мы ни истолковывали причину его кончины, в любом случае смерть короля Британии накануне британской экспедиции к Южному полюсу может восприниматься лишь, как очень плохая примета. Оч-чень плохая...

– Что-то я не припоминаю ее среди древних морских примет или примет полярников, – благодушно обронил Скотт. – Всего лишь смерть очередного короля – только и всего.

– Очевидно, потому и не припоминаешь, что короли, как правило, умирают не так часто, как моряки и полярники.

– Поразительно точное наблюдение, леди Кетлин, – невозмутимо признал Скотт.

Кетлин давно заметила, что его умение шутить, язвить и возмущаться, совершенно не меняя при этом ни выражения лица, ни интонации, способно было поразить не только джентльменов «старой кембриджской закалки», но и превосходивших самих себя в невозмутимости британских иезуитов.

– Поэтому просьба к вам, мой великий мореплаватель, – не позволила выбить себя из седла супруга, – даже если вам и не удастся достичь своей антарктической цели, окажите любезность: не торопитесь умирать! По отношению ко мне ваша гибель – это не по-джентльменски.

Однако по-настоящему Кетлин восприняла упрек мужа в адрес империи лишь после того, как услышала его речь на собрании членов Королевского географического общества. На самом взлете своей эмоциональности он вдруг сказал: «Я полагаю, леди и джентльмены, что стремление достигнуть точки земной поверхности, на которую еще не ступала нога человека; пункта, которого не видел человеческий глаз, – уже само по себе заслуживает похвалы. А уж когда речь идет о точке, столько лет волновавшей воображение цивилизованного мира и занимающей единственное в своем роде положение географического полюса Земли, – достижение ее вообще перестает относиться к области чувств и перерастает в нечто большее, нежели обычный спортивный интерес. Оно вызывает к нашей, британской национальной гордости и к нашим великим традициям.

Именно поиски этой заветной точки становятся убедительным доказательством того, что народ наш по-прежнему способен преодолевать трудности, не пасует перед ними и, как и прежде, остается в авангарде прогресса»⁶.

⁶ Здесь интерпретируется фрагмент речи, которую капитан первого ранга Роберт Скотт действительно произнес перед своей экспедицией на собрании Королевского географического общества Британии.

Так вот, зная, с какими трудностями сопряжена подготовка экспедиции, Кетлин мгновенно уловила в словах мужа сомнение в том, что это «взывание к британской национальной гордости» и к великим британским традициям находит надлежащий отзыв в сердцах уже хотя бы тех британцев, от которых напрямую зависит успех антарктического похода. И была недалеко от истины. Как недалеко была от истины и в том случае, когда усомнилась, что британская нация все еще находится «в авангарде прогресса».

– Мы уже прошли около мили, – вырвал Скотта из потока воспоминаний голос Эванса, – однако впереди все еще видны ледяные поля.

– К ним пора привыкать, лейтенант, – спокойно ответил Скотт. – Мы ведь с вами стремились в Антарктиду, джентльмены? Тогда в чем дело? Вот она – перед вами!

3

Предзакатные цвета Антарктики!.. Они поражали Скотта своим непостижимым сочетанием и контрастной яркостью, очаровывали игрой оттенков и нереальностью ледовых силуэтов. Вот и теперь... Слегка заретушированное синевой багровое небо малиновыми переливами отражалось в черных, едва просветленных ледяных озерах; айсберги приобретали какие-то совершенно немыслимые очертания, представляя в облике то величественных, хотя и полуразрушенных, замков, то полузатонувших, но все еще остающихся на плаву кораблей. А ледовые поля между ними искрились всем мыслимым соцветием, словно огромные, заснеженные россыпи алмазов.

Всякий раз, когда экспедиционный фотограф Герберт Понтинг порывался увековечить всю эту красоту на фотопленку или на кадры кинохроники, Скотт искренне сочувствовал ему, поскольку порождаемые его аппаратами черно-белые картинки не способны были передать и сотой доли того величия, которое окружало в эти дни полярников.

Впрочем, вся эта неистовая красота ледового поднебесья была обманчивой, а мнимое спокойствие моря, как всегда, оказывалось коварным. Редкие дни солнечного благоденствия неожиданно, причем в самый неподходящий момент, прерывались то ливнями, то снежными буранами; а безмолвная зыбь открытой воды вдруг взрывалась штормовым ревом ветра и мощными накатами волн.

Как бы там ни было, а надежды начальника экспедиции на то, что к летнему полярному Рождеству «Терра Нова» все же освободится из ледяных объятий Антарктики, так и не сбылись. Стоило судну вырваться из одной ледовой западни, как, после короткого прохода через очередной «канал» или белесо-черную полынью, оно оказывалось в другой, еще более угрожающей. Единственным утешением служило то, что при морозе минус два градуса по Цельсию ледовый покров станет слишком тонким, поэтому вряд ли будет способен по-настоящему угрожать крепкому корпусу «Терра Новы». Но и двигаться с приемлемой для полярников скоростью он тоже не позволял.

Тем временем каждый походный день капитана Скотта до предела был занят всевозможными бытовыми проблемами, которых всегда хватало: то с машинного отделения неожиданно доложили, что насосы засорились и трюмная вода поднялась до угрожающего уровня. И пока, стоя по шею в ледяной воде, старший кочегар Уильям Лешли пытался прочистить их, моряки и полярники спасали судно с помощью ведер. То во время шторма с верхней палубы вдруг начали срываться ящики с фуражом и керосином, а также мешки со всевозможными припасами. Самыми опасными оказались незакрепленные мешки с углем, которые, срываясь, сносили все, что оказывалось на их пути. И, чтобы спасти барк от окончательного разорения, часть мешков попросту пришлось сбросить за борт.

А тут еще один за другим погибли два маньчжурских пони и собака, которые так пригодились бы полярникам во время их работы на ледовом материке.

Как только капитан узнал о потере, он тут же пригласил в кают-компанию, которая с первого дня плавания превратилась в штабную каюту экспедиции, своего «помощника по тягловой силе» Сесила Мирза и каюра Дмитрия Гирёва⁷.

⁷ Дмитрий Гирёв (в дневниках Скотта – Dimitri Geroff, в некоторых отечественных изданиях – Горев, 1889–1932). Единственный русский участник экспедиции Скотта. Незаконнорожденный сын ссыльной каторжанки Евдокии Гирёвой из Пермской губернии и ссыльного каторжанина Георгия Сальникова из Саратова (браки каторжных в Российской империи не регистрировались, дети считались незаконнорожденными и фамилии им давались по фамилии матери). После смерти матери жил с отцом в Николаевске-на-Амуре, окончил церковно-приходское училище и в качестве каюра (погонщика собак чухи упряжек) служил на почтовом тракте Николаевск – остров Сахалин. Помощник Скотта, английский офицер, путешественник Сесил Мирз (1877–1937), нанял его для работы в экспедиции, закупив при этом на Дальнем Востоке 33 ездовые собаки и шесть разнотипных нарт.

– Каково состояние ваших хваленых ездовых собак, Мирз? – поинтересовался капитан, когда офицер и погонщик собак предстали перед ним.

Они оба знали, что к собачьим упряжкам начальник экспедиции по-прежнему относится с недоверием, полагаясь исключительно на лошадок да еще на свое «заморское чудо техники» – тройку мощных механизированных саней на гусеничном ходу. Но вместе с тем понимали, что пристрастие капитана к своим миниатюрным лошадкам да к мотосаням ответственности за судьбу собак с них не снимает.

– Лайки плохо переносят это путешествие, сэр, – мрачно ответил лейтенант⁸.

– У меня сложилось такое же впечатление, – проворчал Скотт.

– Животные явно не приспособлены к жизни на судне и к штормовым переходам, господин полковник флота, это очевидно.

Похоже, Мирз никак не мог смириться с тем, что офицера, чей чин соответствует чину сухопутного полковника, на флоте, а значит, и здесь, в экспедиции, организованной военными, именуют «капитаном». Теперь, когда Скотт предстал перед полярниками и моряками без мундира, такое обращение к нему – «полковник флота» – одного из офицеров напоминало всем остальным о его высоком флотском чине. Тем более что рядом со Скоттом были еще капитан (командир) судна Эванс и кавалерийский капитан Отс.

Наверное, поэтому ни одного замечания Мирзу он так и не сделал, а все остальные офицеры постепенно перенимали эту форму обращения.

– Одного мы уже потеряли. Как ведут себя остальные? Каково их общее состояние?

– Такое же, как и большинства людей на этом судне, после всех пережитых ими штормов. Не считая, конечно, нескольких наиболее опытных моряков.

– Благодарю за уточнение, – сквозь зубы процедил Скотт.

– Но как только собаки окажутся на земле, в снегах, сразу же почувствуют себя в родной стихии, – заверил его Дмитрий, и капитан обратил внимание, что английский язык этого русского стал значительно чище и непринужденнее⁹. – Но пока что большинство из них терпят лишения от холода, поскольку находятся на мешках и просто на открытой палубе...

– От холода? – прервал его начальник экспедиции. – Но ведь вы уверяли, что они выдерживают сорокаградусные морозы.

– И пятидесятиградусные тоже. Но при сухом морозе и сухой шерсти. А здесь они страдают оттого, что постоянно мокрые. Мы закупили собак гиляцкой породы, сэр, которые в течение столетий используются на Дальнем Востоке не только гиляками¹⁰, но всеми уважающими себя русскими каюрами. В Антарктиде они не подведут.

– Но я слышал, что лучший из ваших псов тоже заболел.

– Качка и холодная морская купель едва не dokonали этого пса, он отказывался от еды и, кажется, смирился с гибелью. Но я закидал его в сено, где за сутки он ожил, отогрелся и теперь уже ест, как все. Еще одного пса смыло волной за борт, но, к счастью, следующая волна вернула его на палубу. Все мы очень удивились такому странному спасению, поэтому дружно выхаживаем этого пса.

Скотт поднялся из-за стола, медленно прошелся вдоль него и, остановившись напротив каюра, с иронической ухмылкой спросил:

⁸ Лейтенант Сесил Мирз был ответственным за сохранность собак и за работу собачьих упряжек, а капитан драгунского полка (в романе, по русской традиции, он предстает в чине кавалерийского капитана, то есть ротмистра) Лоуренс Отс (в некоторых публикациях – Оутс) отвечал за сохранность маньчжурских пони и за работу их упряжек.

⁹ На быстрое овладение Дмитрием английским, а также на его сообразительность и трудолюбие, Скотт указывал в своем дневнике.

¹⁰ Гиляки – русское, теперь уже прежнее, название дальневосточной народности нивхов, проживающей в низовьях Амура и на острове Сахалин.

– Если бы вам, господин Гирёв, представилась возможность одному дойти на нартах до полюса, вы решились бы?

– Между Сахалином и Амуром я намотал столько миль, что хватило бы на путь от Южного полюса до Северного, – спокойно заметил каюр. – Дайте мне одного попутчика – и я готов выступить.

В течение какого-то времени Скотт удивленно всматривался в исполосованное морщинами лицо каюра, а затем без какой-либо иронии поинтересовался:

– И каким же видится вам этот поход? Как вы организовали бы его?

– От последнего склада, заложенного вспомогательной группой, мы уйдем с двумя нартами, груженными провизией и кормом для ездовых, да еще с десятком запасных собак, – каюр произносил это с такой твердостью, словно вопрос о его личном походе к полюсу уже был делом решенным. – Вернемся на одних нартах, пустив два с лишним десятка собак на корм и собственное пропитание.

– Э, да вы, оказывается, уже все обдумали?! И даже выработали свой план покорения полюса.

– Не обдумавши все как следует, на такое дело идти не стоит, – очевидно, забывшись, по-русски ответил Дмитрий, но Сесил сразу же перевел его слова. – У нас, у сахалинских каюров, не зря говорят, что «Ледовый тракт только потому и существует, что исправно платит дань смерти».

4

Выслушав перевод этих слов, Скотт попросил лейтенанта повторить их и только потом согласно кивнул.

– Наверное, так оно на самом деле и происходит. Вы, простой каюр, уверены, что, получив необходимые инструменты, сумели бы обнаружить полюс, точнее, установить его местонахождение по астрономическим наблюдениям?

– Не уверен, – продолжал переводить его ответы Мирз. – Особенно сомневаюсь в том, что астрономическим определениям простого русского каюра поверили бы в Англии. Полюс – это ведь не верстовой столб на почтовом тракте, а черт знает что и чем помеченное. Поэтому-то и спутник мой должен быть человеком, способным определить, где именно этот пуп земли находится. Это все, что от него требуется, а уж я по компасу вести буду столько, сколько понадобится.

– Где вы нашли этого русского, Мирз? – едва заметно улыбнулся Скотт.

– Известно где – в России. По-моему, неплохой, знающий свое дело каюр.

– Разве не чувствуете, как он опасен? Того и гляди, сам рванет к полюсу, опережая нас.

– Он и в самом деле опытный каюр. Снежная пустыня для него столь же привычна, как для нас – английские лужайки.

– Без вас к полюсу не уйду, – тоже с улыбкой заверил капитана Дмитрий Гирёв. – С вами – пожалуйста. Так что берите меня в спутники, господин полковник флота, – не ошибетесь.

Прежде чем ответить, англичанин решительно покачал головой.

– С удовольствием взял бы вас, каюр; такие люди лишними в экспедиции не бывают, но... вы ведь подданный Российской империи. Само ваше появление на полюсе тут же позволит русскому императору заявить свои претензии на него и на всю разведанную нами часть Антарктиды.

Каюр наткнулся на холодный, явно высокомерный взгляд англичанина, и так и не понял: шутит он или же всерьез опасается, что появление на полюсе русского каюра может вызвать настоящий имперский переполох.

– Если понадобится, я готов подождать вашего возвращения за полмили от полюса, – тоже всерьез произнес Гирёв, разве что глаза его по-прежнему излучали некую хитринку. – К слову, я слышал, что свои походы Амундсен проводит на собаках, приглашая с собой эскимосов, которые обычно идут впереди основной группы и строят для него снежные дома – иглу. Те самые, в которых веками спасались от пурги и морозов их предки. Если таким же способом он будет двигаться к Южному полюсу, то достигнет его, не обморозив ни одного человека. И дай-то бог, чтобы не оказался там раньше нас. Причем подданство проводников-эскимосов смущать его не станет.

– Да вы не только каюр, но и дипломат, – съязвил полковник флота.

– И, ради бога, не доверяйте тем, кто советует вам полагаться в этой ледовой пустыне на лошадей, – не придал значения его словам Гирёв. – Веками проверено, что в снегах да во льдах на лошадь надежды нет. Уж лучше бы приказали завезти сюда ездовых оленей.

Англичане переглянулись, и Мирз виновато опустил глаза, принимая на себя вину за бестактность подчиненного. Он-то прекрасно знал, что Нансен, Шеклтон, многие другие странники полярных пустынь тоже не советовали Скотту связываться с лошадьми, которых даже вдоволь напоить в Антарктиде – и то проблема, потому что для этого надо растопить множество снега, превращая его в десятки ведер воды. И это – при отсутствии какого-либо топлива, при невозможности разводить большие костры. А как быть со многими тоннами сена и прочего корма, без которых лошадка, пусть даже таким невзрачным и неприхотливым, как пони, не обойтись?

Для Мирза и Гирёва не было тайной, что для девятнадцати пони Скотту пришлось загрузить на судно сорок пять тонн прессованного сена, плюс еще четыре тонны «вольного» сена для корма во время морского перехода, а также одиннадцать тонн отрубей и жмыха, превратив при этом судно в конюшню и плавающий сеновал. Но главная беда заключалась в том, что кони были совершенно не приспособлены к жизни в условиях ледовой пустыни.

И все же Роберт Скотт отдавал предпочтение именно им, своим лошадам, питая при этом какое-то странное предубеждение к собакам и каюрам.

– Собачьи упряжки, лейтенант Мирз, без дела тоже не останутся, – уловил капитан озабоченность «ездовиков». – Поэтому тщательно осмотрите всех собак и продумайте, что можно сделать, чтобы все они сошли на берег пригодными для работы.

– Так или иначе, а к полюсу мы придем первыми, господин полковник флота, – попытался тот сгладить простодушную прямоу каюра. – Я в этом уверен.

– Мне бы вашу уверенность, лейтенант, – неожиданно парировал Скотт. – Многим я пожертвовал бы, чтобы проникнуться ею.

Ну а что касается любви к пони, то Роберт никогда и не скрывал своей увлеченности этими лошадками. Той увлеченности, которая сформировалась в его сознании еще в детские годы, когда, после подготовительных занятий с гувернанткой, он, в возрасте восьми лет, поступил в школу в Сток-Дэмэреле. Вот тогда-то ему и пришлось из загородного поместья Аутлендс каждый день добираться до школы на подаренном ему отцом пони Белло – спокойной, покладистой лошадке, словно бы понимавшей, что неопытный наездник ее – еще совсем ребенок.

Впрочем, этот пони запомнился Роберту так же хорошо, как и старая, вечно протекавшая шлюпка, «обитавшая» у маленького причала их родового озерца. Возвратясь из школы, Роберт тут же старался пересест с «пони-рыцарского» седла Белло на эту шлюпку, которую в фантазиях своих возводил в ранг «императорской каравеллы», чтобы отправиться в очередное плавание по «бурному, наполненному пиратскими бригами океану». Увлечение этой «императорской каравеллой» как раз и подвигло его на поступление в Подготовительное военно-морское училище имени Форстера, расположенное в недалеком припортовом Стаббингтон-хаусе, благоденствовавшем на окраине Девенпорта.

Увы, к тому времени его отец, досточтимый Джон Скотт, уже отрекся от карьеры девенпортского судьи, разочаровался в общественной должности председателя местной Ассоциации консерваторов, разуверился в своей способности вывести в число преуспевающих свой пивоваренный завод (один из нескольких, существовавших к тому времени в Плимуте)...

И все во имя того, чтобы всецело предаться очередному сомнительному увлечению – ухаживанием за своим большим аутлендским садом. Роберт всегда считал это увлечение недостойным сына моряка и вообще джентльмена, однако никогда не решался высказывать отцу своего отношения к его странному занятию. Кто знает, говорил себе будущий покоритель Антарктики, вдруг в неприкаянной судьбе отца умирает великий садовод?!

Другое дело, что самого Кони, как называли в многодетной семье Скоттов старшего сына владельца поместья, ни садоводство, ни пивоварение не привлекали. Да и потребность длительное время находиться в тихом, захолустном Аутсленде – тоже страшила. Поэтому уже в тринадцать лет он сдал вступительные экзамены, выдержал суровый конкурс и стал гардемаринном Королевского военно-морского флота, подготовка которого проходила на учебном судне «Британия», пусть и закоренном на реке Дарт, но зато в нескольких милях от моря.

Кстати, первое, о чем ему и еще ста пятидесяти юнцам сообщил их корабельный боцман-наставник, как только они впервые построились на обветшавшей палубе учебного судна, что именно отсюда, из гавани ближайшего порта Дартмут, уходили на поиски славы и бессмертия крестоносцы короля Ричарда Львиное Сердце. Отсюда же, из залива Старт,

уходили на битву с «Непобедимой испанской армадой» моряки действительно непобедимой английской королевской эскадры.

Причем оказалось, что этот боцман еще помнил другого Роберта Скотта, деда Кони, корабельного казначея. После первого же занятия по парусному делу, когда, преодолевая страх и предательскую дрожь в коленках, Кони сумел добраться до средней реи, боцман сказал ему: «Не знаю, получится ли из тебя, гардемарин Роберт Скотт, настоящий моряк, но в том, что до должности корабельного казначея ты не снизойдешь и что умереть тебе придется не в домашней постели, да к тому же вдалеке от Англии, можешь не сомневаться».

Лишь со временем Роберт Скотт понял, почему «старый пират», как гардемарины называли между собой этого боцмана, усомнился в его карьере мореплавателя. Потому что уже знал о страшной, губительной для всякого моряка слабости Кони – неукротимой морской болезни, скрыть которую в школе гардемаринлов было так же невозможно, как и преодолеть её. Единственное, что оставалось укачивающемуся гардемарину – это воинственно смириться со своей болезнью и предельно приспособиться к ней. Тем не менее Скотт часто вспоминал это сомнительное пророчество Старого Пирата и в какой-то степени даже был признателен за него.

5

Когда полярники оставили кают-компанию, Скотт утомленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Если бы он был до конца откровенным с лейтенантом и его каюром, то признался бы, что по-настоящему не верит ни лошадкам, ни собачьим упряжкам и уж тем более мотосаням, полагаясь исключительно на силу и выносливость своих спутников. Он не зря приказал заготовить большой набор «человеческой» упряжи, потому что уверен был: большую часть пути к полюсу и назад, к базовому лагерю, полюсной группе придется тащить санки на себе, не полагаясь при этом ни на какую другую тягловую силу.

Впрочем, думать о предстоящем походе по нехоженным ледникам и плоскогорьям «ледяного ада», как Скотт назвал во время одного из своих публичных выступлений Антарктиду, ему не хотелось. Полковнику флота вдруг вспомнилось загородное поместье генерал-губернатора Южно-Африканского Союза, только что созданного на пепелищах Англо-бурской войны британского доминиона, виконта Герберта Гладстона¹¹. «...Любезно пригласившего, – как писала одна из трансваальских газет, – выдающегося полярного исследователя, капитана первого ранга Роберта Скотта и его супругу, талантливую ученицу скульптора Родена, в качестве своих личных гостей».

...Их кровать была установлена на приподнятой над землей, просторной веранде, которую полукругом охватывали источающий ароматический запах кустарник и кроны молодых пальм. Здесь, на окруженном высокой оградой подворье загородной резиденции губернатора, Роберт и Кетлин чувствовали себя обитателями земного рая, о существовании которого во всем остальном мире мало кто догадывался.

– А вам известно, какая звезда будет светить вам на полюсе, мой великий мореплаватель? – негромко, почти шепотом спросила Кетлин, когда, утомленные любовными утехами, они, устало разбросав руки, замерли посреди своего немислимо широкого ложа.

– Этого пока что не знает никто. Скорее всего, с полюса будут видны несколько созвездий, в том числе и те, которые просматриваются отсюда, с Южной Африки; или с Новой Зеландии, где нам еще только предстоит побывать.

– И все же, наверное, лучше всего там будет видна Полярная звезда, – темпераментно сжала Кетлин пальцы супруга.

– Она находится в созвездии Малой Медведицы и видна в основном в северном полушарии. Зато почти прямо над нами вырисовывается сейчас Южный Крест. Вот он, справа от нас. А еще в это время года на южном небе можно найти созвездия: Парус, Центавр, Живописец...

– Обязательно покажешь мне Живописца, все-таки родственное мне созвездие. И еще: ваша экспедиция должна внимательно изучить небо Южного полюса и, по возможности, срисовать его. Уже вижу специальную научную публикацию в каком-нибудь научном журнале под названием: «Звездная карта Южного полюса, составленная доблестным капитаном Скоттом».

– «Доблестным»?

– Тебя что-то смущает в таком определении?

– Ничего. Если только забыть, что оно возникает в современном научном издании.

¹¹ Виконт Герберт Джон Гладстон (1854–1930) – бывший министр внутренних дел Великобритании (1905–1910). После объединения в мае 1910 года английских колоний Трансвааль, Капская Провинция, Натал и Оранжевая Река в единый доминион, Южно-Африканский Союз (ЮАС, ныне – Южно-Африканская Республика), был назначен его генерал-губернатором. Англо-бурская война (1899–1902) происходила между нидерландскими колонистами-«бурами» (то есть земледельцами) и Британской империей. После победы Британии город Претория, бывшая столица бурской Республики Трансвааль, стал столицей британского доминиона Трансвааль, а затем и столицей ЮАС.

– Понимаю, помпезно. Зато очень точно.

– В таком случае, одно из созвездий получит странное название, не имеющее ничего общего с мифологическими названиями большинства известных человечеству звездных скоплений – «Созвездие Кетлин».

– Какая непозволительная щедрость! – игриво восхитилась она. – Одно из моих будущих полотен из цикла «Полярные пейзажи» так и будет называться: «Созвездие Кетлин над полярным ледником Скотта».

– Вот так всегда! Ни на что более одухотворенное, нежели «Ледник Скотта», претендовать не приходится.

– Почему же? Постараюсь изваять прекрасный памятник «Покорителю Южного полюса капитану Скотту», который еще при жизни этого самого капитана будет установлен в центре Лондона. А потом еще один – в центре Кейптауна.

– Где каждый житель будет помнить, что этот памятник создан талантливым скульптором, ученицей великого Родена леди Кетлин Скотт, но мало кто будет догадываться, кому именно он посвящен и чем этот человек знаменит.

– Начинаю подозревать, что уже сейчас ревнуете меня к будущей славе, мой великий мореплаватель Скотт.

Когда в начале августа на борту судна «Саксон» они прибыли в Кейптаун, оба были уверены, что их ждет лишь небольшая передышка в одном из местных отелей. Однако дни шли за днями, а «Терра Нова» все не появлялась, и тогда капитан Скотт решил прибыть в столицу Южно-Африканского Союза, чтобы использовать дни ожидания для пропаганды своей экспедиции, а главное, для сбора средств.

И для полковника флота стало приятной неожиданностью, что, по распоряжению генерал-губернатора, ему и супруге был обеспечен бесплатный проезд по железной дороге, а в самой Претории виконт Гладстон благосклонно взял их под свою, почти родительскую опеку, выделив для жилья хорошо охраняемый загородный дом, а также обеспечив прислугой и питанием.

...Из-за ограды слышались крики испуганной кем-то птицы, затем пронзительно-визгливое вытье гиен и, наконец, от гряды холмов, подступавших к самой вилле, донеслось грозное рычание льва. Азартный и меткий стрелок, Хеттли уже дважды предлагал капитану поохотиться вместе с ним на львов: «если ни одного из них не убьем, то хотя бы надолго отпугнем от поместья»... Однако всякий раз Роберт с извиняющейся улыбкой напоминал управляющему, что у него, как начальника экспедиции, свои, особые заботы. К тому же охота не ради пропитания, а ради забавы – хобби его никогда не считалась.

Когда следующим утром Хеттли – плечистый мулат с ярко выраженными негроидными чертами лица, но со столь же ярко выраженными взглядами британского националиста, вновь появился во флигеле Скоттов, капитан решил, что он опять станет приглашать его на «королевскую охоту». Однако тот с явной грустью в голосе сообщил, что сегодня господина капитана готовы принять у себя генерал-губернатор Герберт Гладстон и премьер-министр Союза генерал Луис Бота.

– Хотите сказать, что еще один день, проведенный мною в Претории, пройдет успешно? – спросил капитан. Он стоял у окна отведенного ему на втором этаже овального кабинета и осматривал склон ближайшего холма, подступавшего к берегам извилистой горной речушки.

Кетлин в это время занималась в своей половинке флигеля утренним туалетом. Она любила понежиться в теплой ванне, погружаясь в нее до подбородка и уверяя, что это в ней просыпаются «повадки старой ленивой бегемотихи».

– Если вы уедете отсюда, не побывав со мной на «королевской охоте», – все ваше пребывание в Южно-Африканском Союзе можно считать несостоявшимся, сэр, – почтительно

склонил голову управляющий. – Хотя столичные газеты, – положил он на журнальный столик сверток изданий, – с похвалой отзываются о вашей лекции, прочитанной в столичном оперном театре, и сообщают, что вы планируете провести еще несколько подобных выступлений, используя их для сбора средств на экспедицию. Кстати, одна из них называет вас «обреченным на кочевую жизнь полярным странником».

– Вот видите, сколько дел меня ожидает здесь, не считая вашей несостоявшейся охоты, – молвил Скотт, подступая к столику с газетами. – Представляю себе, сколько легенд и охотничьих историй вы сумели бы рассказать потом в охотничьем кругу о совместной охоте на львов с антарктическим путешественником Скоттом.

– Еще бы! Это уж, как водится.

– Заранее сообщаю, что ни одну из них опровергать не стану.

– Для начала мы объявили бы вас почетным членом нашего клуба, сэр. И тогда охотничьи исторички стали бы появляться сами собой.

...Мощный носовой толчок застал Скотта в том состоянии полусна-полугрез, когда воспоминания уже воспроизводились в ослепительно ярких картинках прошедшего бытия, перенося его в иное время, в иной мир, в иное сознание.

– Мы опять уперлись в мощное ледовое поле, сэр, – появился в кают-компании штурман Пеннел. – Командир судна просит вас подняться на мостик, чтобы совместно принять решение.

– Решение мы уже давно приняли, лейтенант, – недовольно прокряхтел капитан первого ранга, неохотно отрываясь от такого уютного кресла. – И, как мне кажется, совместное: нужно идти к Антарктиде, к полюсу.

– Есть еще одна проблема, – объяснил штурман, – уже более приятная. Сейчас в кают-компании должны накрыть праздничный рождественский стол для офицеров¹².

Оказавшись на мостике, Скотт долгое время осматривал окрестные ледовые поля в подзорную трубу, которой по-прежнему отдавал предпочтение перед биноклем, а затем приказал придерживаться юго-юго-восточного направления, а при невозможности найти выход из этого ледового плена, ложиться в дрейф.

– Иного решения я тоже не вижу, – согласился с ним командир корабля.

– Как только накроют рождественский стол, передадите свой пост вахтенному офицеру, и я рад буду предоставить вам право второго тоста.

– Не знаю, честно говоря, стоит ли в такой ситуации затевать праздничный ужин.

– В какой «такой ситуации»? – спокойно прикурил сигару Скотт. – Вы что, действительно находите во всем этом, – обвел он подзорной трубой пространство перед собой, – нечто из ряда вон выходящее?

– Очевидно, вы правы, – мрачно согласился Эванс.

– Миллионы мужчин во всем мире сочли бы за честь посидеть сейчас с нами за рождественским столом на траверзе Антарктиды. А ведь для тех людей, в кругу которых мы сейчас окажемся, поход к ледовому континенту – это еще и свершение мечты.

– Почти равной походу к стивенсоновскому «острову соколовищ», – поддержал начальника экспедиции штурман Гарри Пеннел. – Сужу хотя бы по себе.

Скотт неожиданно замолчал. Он вообще обладал странноватой способностью умолкать в разгар любой беседы, пусть даже той, которую сам же затеял. При этом он словно бы

¹² Поскольку экспедиция была организована Адмиралтейством и основу ее членов составляли офицеры Королевского военно-морского флота, капитан первого ранга Скотт поддерживал в ней и на судне военную дисциплину. При этом команда этого гражданского судна и члены экспедиции четко делились на офицеров и неофицеров, что сказывалось на их быте и питании. Все специалисты, входившие в научную группу экспедиции, тоже числились офицерами. Таким образом, в экспедиции насчитывалось 24 офицера. И командовал судном, как вы уже заметили, не капитан, как в гражданском флоте, а командир.

проваливался в свою угрюмую сосредоточенность, которая еще с гардемаринских времен множество раз ставила в неловкое или двусмысленное положение не только собеседников, но и его самого. Взбодрился же лишь после того, как рядом на палубе появился лейтенант Мирз.

– Так что там ваш русский говорил по поводу полярного тракта, лейтенант Сесил? – задумчиво спросил начальник экспедиции, в очередной раз осматривая в подзорную трубу скопление появившихся прямо по курсу небольших айсбергов.

Командир «Терра Новы» и ее штурман уже давно пользовались биноклями, однако Скотт по-прежнему отдавал предпочтение подзорным трубам, закупив определенное их количество для экспедиции. С первого же походного дня офицеры обратили внимание, что, при своем небольшом росте, с подзорной трубой в руках, Скотт рази тельно напоминает Бонапарта, который, уже в ипостаси почетного пленника, всматривался в очертания «тюремного» острова Святой Елены. Особенно это сходство проявлялось тогда, когда «полковник флота» облачался в свою выдавшую виды походную офицерскую шинель, которую тоже зачем-то прихватил в эту экспедицию.

– ...Что всякий полярный тракт существует лишь до тех пор, пока исправно платит дань смерти. Или что-то в этом роде, – по-борцовски, словно перед выходом на ковер, повел неширокими, но мускулистыми плечами коренастый, смуглолицый Мирз, по лицу которого можно было изучать генезис не столько британцев, сколько потомков Аттилы или Тамерлана.

– А ведь в этом скрыт глубокий смысл, лейтенант. Не находите?

– Как и во всяком восточном изречении, сэр. Восточная философия пока что так же не исследована нами, европейцами, как и пространства Антарктики.

– Почему-то я все чаще обращаюсь к этому вещему высказыванию, – только теперь капитан опустил подзорную трубу и, закрыв усталые, слезящиеся на резком боковом ветру глаза, какое-то время стоял так, словно бы осматривая пространство перед собой внутренним взором. – «Пока исправно платит дань смерти...» Смахивает на мрачное пророчество. Не находите?

– Это всего лишь итог определенных размышлений, сэр, – вежливо склонил голову Мирз. – Ни в каких пророчествах русский каюр до сих пор замечен не был. Как, впрочем, и в шаманстве.

6

Встав из-за стола, Скотт сразу же отправился в каюту, которую делил с лейтенантом Эвансом, положил на стол свой дневник и записал: «Воскресенье, 25 декабря. Рождество. По вычислениям, 69°5' южной широты, 178°30' восточной долготы. Третьего дня я уже совсем надеялся, что праздник застанет нас на чистой воде, но ошибался. Нас окружает лед; низко ходят тучи и время от времени из них легкими хлопьями идет снег, затемняя собой небо; кое-где чернеют небольшие проталины. Снова нужно запастись терпением и терпением. Здесь мы, очевидно, в полной безопасности. Лед настолько тонкий, что не может сжатием навредить нам; гор поблизости нет; не обращая внимания на незавидное положение, все веселы и ждут праздничного обеда. Кают-компания украшена флагами...

...Полночь. Идет густой снег. Температура минус два градуса. Холод и сырость. Только что завершился наш веселый ужин. Стол был чудесным: суп с томатами, маленькие пирожки, рагу из пингвиных филе, ростбиф, плум-пудинг, спаржа, шампанское, портвейн и ликёры – меню действительно праздничное. Ужин начался в шестом часу и закончился в седьмом. Затем, в течение целых пяти часов вся компания сидела за столом и во весь голос пела. Среди нас нет особых талантов, но каждый выдавал все, на что был способен, и хоры наши оказались оглушительными...

Команда обедала в полдень, меню у нее почти то же самое, что и у нас, только вместо шампанского пиво и немного виски. Они, наверное, от души веселились...

Закрыв дневник, Скотт уже собирался лечь, но для успокоения совести решил все же сначала взглянуть на то, что творится за бортом. В проходе он буквально столкнулся с командиром судна.

– Что там у нас по курсу, лейтенант?

– Полыньи стали встречаться чаще, сэр.

– На вашем месте я бы сообщал об этом командиру экспедиции куда более веселым голосом.

– Уверен, что к утру мы окажемся на совершенно чистой воде, сэр, – в самом деле попытался взбодрить свой тон лейтенант. – Не стоит подниматься на мостик, там холодно и сыро. Впередсмотрящие будут сменяться каждый час. На баке вывешены еще два фонаря. Айсберги по курсу не наблюдаются.

Они остановились у борта. Судно двигалось самым малым ходом, но при свете фонарей было видно, как уверенно оно разрезает и крошит ледовые поля.

– Как считаете, лейтенант, что сейчас предпринимает наш Норвежец?

– После того как он объявил об этом на весь мир, ему остается только одно: упрямо, не считаясь ни с какими лишениями, идти к ледовому континенту. Не тот человек Норвежец, чтобы отречься от своих планов.

– Я, конечно, того же мнения, лейтенант. Но все же... как некстати он появился в Антарктиде!

– Он не должен был отказываться от своей экспедиции в сторону Северного полюса и оказываться в Антарктиде, – решительно поддержал его командир корабля. – Считаю, что к такому же мнению придут все, кто будет следить за нашими антарктическими экспедициями.

– Вопрос: все ли решатся высказать подобное мнение вслух? – пессимистически проворчал Скотт. – Впрочем, если Амундсен, этот Норвежец, в самом деле окажется у полюса первым, все прочие чувства, кроме чувства национальной горечи по поводу моего поражения в этой гонке, никакого значения в Британии иметь не будут. Любой патриот Британской империи воспримет эту победу норвежской экспедиции, как унижительную научно-общественную пощечину.

Они вернулись в каюту, уселись за столик, и лейтенант налил коньяку прямо в матросские корабельные кружки.

– Предвижу, что нам и в самом деле придется устраивать антарктические гонки, призом в которых станет Южный полюс, – вернулся к прерванному разговору командир барка.

– Мне бы этого не хотелось, – решительно покачал головой полковник флота, едва пригубив кружку. – Грешно превращать столь важную научную экспедицию в спортивный забег на упряжках, в такой себе ледовый марафон.

– Если учесть, что у нас больше шансов добраться до полюса, чем у Норвежца, то появление соперника лишь придаст нашему походу остроты, породив к нему интерес всего цивилизованного мира.

Скотт как-то затравленно взглянул на командира судна, решительно опустошил свою кружку и еще более решительнее повел подбородком.

– Мы прибыли сюда, лейтенант, не только для того, чтобы установить на полюсе флаг империи. Нам нужно понять, с чем мы столкнулись, вторгаясь в этот ледовый континент, на эту почти безжизненную планету, на «мертвую землю мертвых». Я не хочу оставаться в истории покорения Южного полюса в качестве антарктического марафонца. Еще ни одна экспедиция мира не имела в своем составе такого контингента ученых, какой удалось сформировать мне.

– Некоторые газеты уже успели отметить это, сэр, – задумчиво цедил свой напиток Эдвард Эванс. – Если не оценить, то по крайней мере отметить.

– Поэтому наш девиз: «Никакой поспешности, никакой гонки на опережение, никакого противостояния!» Перед нами целый континент, совершенно не приспособленный для существования на нем человека и не имеющий ничего общего со всеми прочими континентами нашей планеты. Мы прибыли сюда не как гонщики, а как научная экспедиция.

Эванс добавил коньяку себе и капитану и, держа кружку на весу, какое-то время задумчиво всматривался в пламя закрепленной на борту каюты лампы.

– Вы со мной не согласны, лейтенант? – остался недоволен его молчанием Скотт.

– Дело не во мне, а в норвежце Амундсене, а потому...

– Это понятно, что в Амундсене, – с едва заметным раздражением прервал его полковник флота. – Но я стою на том, что мы – научная экспедиция, а не призовые гонщики.

– Вряд ли мы способны заставить Норвежца относиться к своей экспедиции с той же «научной щепетильностью», с каковой вы неизменно относитесь к своей, сэр.

– Насколько мне известно, Амундсен – человек азартный. И высадится на берег Антарктиды только с одной целью – во что бы то ни стало добыть самой природой выставленный приз.

– Если к такому восприятию его визита мы пока что не готовы, тогда нам лучше забыть о существовании этого джентльмена, вместе с его географическими амбициями.

– Да уж, хотелось бы забыть, – проворчал Скотт. – По крайней мере до утра.

Эванс внимательно присмотрелся к выражению лица начальника экспедиции. Теперь командир судна понимал, что до этого разговора его сбивала с толку внешняя невозмутимость «полковника флота», исходя из которой, он считал, что начальник экспедиции просто проигнорировал публичный вызов Руала Амундсена. Оказывается, он наивно ошибался: традиционная британская невозмутимость в данном случае не срабатывала. Тень Норвежца тяготела над Скоттом как тень Командора. Он не способен был избавиться от навязчивого облика Амундсена, который преследовал его днем и ночью, заставляя нервничать и постоянно оглядываться, как на стайера-соперника, который у самого финиша дышал ему в затылок.

Полковник флота мгновенно расшифровал его взгляд, однако никаких объяснений давать не стал. «Это не по-джентльменски, – в который раз мысленно упрекнул он Амунд-

сена, ложась в свою постель и таким образом давая Эвансу понять, что настала пора ночного отдыха. – Люди нашего круга не ведут себя так», – почти простонал он, закрывая глаза и стараясь не прислушиваться к гулу корабельного двигателя и к ледовому треску за бортом.

* * *

Впервые «тень Амундсена», этого «полярного Командора», возникла в сознании Скотта во время прощальной встречи с виконтом Гладстоном. Как и во время первой их встречи, генерал-губернатор Южной Африки был на удивление многословен, хотя и предельно корректен. Он, казалось, с поминутной точностью знал о том, как чета Скоттов проводила время в его поместье, поэтому краткий отчет об этом самого полковника флота, как и его благодарность, выслушал, не меняя выражения лица. Кстати, очень запоминающегося. Это было лицо пятидесятилетнего консерватора, привыкшего все в этом мире воспринимать с той долей иронического цинизма, который уже бессмысленно было скрывать или хотя бы как-то смягчать, поскольку он запечатлен был в облике прожженного политика, словно в чертах ритуальной маски африканеров.

– Только вчера я беседовал с премьер-министром по поводу финансирования вашей экспедиции, – избавил он капитана первого ранга от необходимости мучительно подступать к столь щекотливой теме. – Признаюсь, это был трудный разговор, – упредил его дальнейшее расшаркивание Гладстон. – Мне сложно сказать, каковой окажется сумма ассигнований, но смею надеяться, что она окажется достойной такой великой страны, как Южно-Африканский Союз.

– Лично я в этом уверен.

Губернатор поднялся, вальяжным движением руки предоставив Скотту право оставаться в своем кресле, и несколько раз молча прошелся по кабинету.

«А ведь у самого генерал-губернатора такой уверенности пока что нет, – понял полярник. – К тому же он явно знает больше, чем говорит. Дипломат как-никак...»

– Видите ли, капитан, страна находится накануне очень трудных выборов и столь же трудного выбора своего дальнейшего пути. Единству двух белых – нидерландской и английской общин препятствует африканерский национализм буров. Притом что племена аборигенов ненавидят тех и других, и только и ждут, когда можно будет избавиться от белых пришельцев. Причем не важно, какой короны они подданные, – просто от белых. Понимая, что в Лондоне предпочитают видеть Южную Африку только в одной ипостаси – окончательно покоренной колонии.

– Или просто частью Британии, – заметил.

– В то время как в Претории формируются силы, предпочитающие идти к созданию южноафриканской империи со своим правителем, своим флагом, своей конституцией и конечно же со своими мощными вооруженными силами. Считаю, что как британский офицер, вы должны знать, что именно происходит в нашем африканском доминионе.

Скотт молча кивнул. Они сидели вдвоем у камина, который здесь, в Африке, был не столько источником тепла, сколько источником ностальгии. Кетлин в это время беседовала в одной из дворцовых комнат с супругой лорда, в которой нашла ценительницу живописи и африканских обрядов.

– Есть все основания считать, что после Англо-бурской войны и вашего появления здесь в качестве генерал-губернатора, вопрос о принадлежности Южной Африки решен навсегда, – уверенно молвил капитан. – Теперь точно так же стоит вопрос о принадлежности Антарктиды.

– Считаете, что Британия может претендовать на этот континент?

– И не просто претендовать. Я уже говорил как-то в одном из интервью, и готов повторить, что сейчас у Британской империи одна цель – завоевать Южный полюс. Нам следует как можно скорее установить контроль над этим колоссальным ледовым континентом, который наверняка таит в себе огромные сырьевые запасы. Именно поэтому главная цель нашей экспедиции заключается в том, чтобы над полюсом взвился британский флаг¹³.

– Если вы решитесь повторить эти слова во время обеда, который готовится дать в вашу честь в Кейптауне Королевское географическое общество Южной Африки, на местных политиков и ученых это произведет хорошее впечатление¹⁴.

– Хотелось бы, чтобы это «впечатление» выразилось в конкретной финансовой помощи нашей экспедиции.

Гладстон намеревался что-то ответить, но в это время в кабинете появился его личный секретарь и сказал, что только что из Кейптауна доставлена газета, одна из публикаций которой способна заинтересовать и генерал-губернатора, и его гостя.

Оказалось, что в газете и в самом деле появилась статья о новом походе известного норвежского путешественника, капитана Руала Амундсена, который недавно отплыл из Норвегии, намереваясь на своем судне «Фрам» совершить дрейф через весь Ледовитый океан с заходом на Северный полюс.

«Слава богу, что этот чертов Норвежец устремляется к Северному полюсу, а не к Южному, – поиграл желваками Роберт, вслушиваясь в то, о чем говорится в публикации. – Иначе пришлось бы вызывать его на своеобразную полярную дуэль».

Кстати, по важности своей журналист сравнивал это предприятие Норвежца с экспедицией капитана Скотта, который вместе со своими товарищами «направляется на Юг для завоевания полюса». И при этом замечал, что «капитан Руал Амундсен – столь же опытный и отважный исследователь полярных районов, как и Скотт».

Когда секретарь прочел эти строки, Гладстон и капитан вновь многозначительно переглянулись.

– Плохо, что экспедиция Амундсена будет проходить в те же дни, что и ваша, капитан, – проворчал генерал-губернатор. – Своим дрейфом норвежцы будут отвлекать внимание европейской общественности от вашего штурма Антарктиды. Что крайне нежелательно.

– Хорошо хоть, что Амундсен не направил свои стопы на Юг, – саркастически ухмыльнулся Скотт. – А вообще-то трудно найти разумное оправдание походу на Северный полюс после того, как там, по их скандальному утверждению, умудрились побывать американцы Роберт Пири и Фредерик Кук.

– Но вы считаете, что в принципе это возможно – рассчитать полярные течения таким образом, чтобы они занесли судно на Северный полюс?

– Не хочу оскорблять своего коллегу, но идея кажется мне совершенно бредовой. Прежде всего, нет уверенности, что под Северным полюсом находится океан, а не какой-то осколок суши. К тому же мне трудно представить, каким образом Норвежец собирается управлять своим дрейфом в могучих льдах, которые в любую минуту могут раздавить его судно как куриное яйцо. И потом, кто способен предсказать, сколько времени может продлиться такой дрейф? Я, конечно, отправлю ему телеграмму с пожеланиями успеха, но считаю этот замысел самым безумным из всех, которые когда-либо обуревали северными полярниками.

– Однако же находились горячие головы, которые собирались дрейфовать до Южного полюса, – крадучиво заметил губернатор. И капитану показалось, что к числу этих безумцев

¹³ Здесь интерпретируются реальные высказывания капитана Скотта накануне экспедиции к Южному полюсу.

¹⁴ Во время этого обеда Роберт Скотт выразился лаконичнее и немного вызывающе: «Сейчас у Британской империи одна цель – завоевать полюс! И это – главная цель нашей экспедиции».

Гладстон причисляет и его. – Кстати, мне сказали, что между исследователями пока что нет единства в том, что же на самом деле представляет собой Антарктида – отдельный континент или объединенный льдами архипелаг?

– Вы прекрасно осведомлены о существовании проблемы, – заметил Скотт. – Напомню, что лично я намерен покорять свой полюс по ледовой пустыне, полагаясь при этом только на лыжи и санки, поэтому не уверен, что сумею развеять сомнения относительно цельности данного континента.

Свой обед Королевское географическое общество провело уже тогда, когда «Терра Нова» находилась в бухте Саймон на британской военно-морской базе близ Кейптауна. Однако к тому времени настроение Скотта было омрачено сразу несколькими причинами. Во-первых, скверной погодой, из-за чего судно опоздало с прибытием в Саймон почти на две недели, нарушив при этом график магнитных наблюдений у южного побережья Африки, довольно близко расположенного от Южного магнитного полюса¹⁵.

Мало того, что, как всякий английский флотский офицер, Скотт терпеть не мог любого отклонения его подчиненными от намеченного плана; он еще и узрел в этом скверную примету, которая немедленно подтвердилась сообщением из Претории, в котором говорилось, что правительство Южно-Африканского Союза выделило на нужды его экспедиции всего-навсего пятьсот фунтов. Понятно, что такое пожертвование показалось ему оскорбительно скудным.

На фоне имперских целей, которые Скотт декларировал во время обеда в честь офицеров экспедиции, а также на фоне приятельских отношений с генерал-губернатором Южной Африки, эта сумма представлялась ему откровенным издевательством. И ему понадобилось немало мужества, чтобы, сохраняя джентльменскую невозмутимость, публично поблагодарить премьера Луиса Боту за столь великую, прямо-таки немилосердную «щедрость».

Осознавая всю нелепость такого подхода к экспедиции, имеющей важное государственное значение, генерал-губернатор Гладстон бросился рассылать «усовестительные» телеграммы мэрам всех крупных городов доминиона, и даже сам, от щедрот своих, пожертвовал пятьдесят фунтов, однако общей ситуации это уже не спасало. Скотту пришлось лишь оскорбленно сжать зубы, когда в день отхода судна из Кейптауна ему доложили, что общая сумма спровоцированных его выступлениями и телеграммами губернатора Южной Африки пожертвований достигла всего лишь мизерной величины в триста пятьдесят восемь фунтов и пять шиллингов.

Правда, вдобавок к ним какие-то фирмы и отдельные романтики приплюсовали три ящика джема и восемьдесят дюжин бутылок пива, но человека, решившего завоевать для империи не только полюс, но и целый материк, – это уже не утешало.

«И все же самый жестокий удар ожидал тебя не в Южной Африке, а в Австралии, – безжалостно напомнил себе Скотт, в очередной раз пытаясь погрузиться в спасительный сон. – Когда, после прибытия в гавань Мельбурна, тебе вручили телеграмму, присланную даже не самим Руалом, а его братом Леоном Амундсеном. Это была предельно лаконичная весточка, смысл которой способен был сразить наповал любого полярника. „Имею честь сообщить, – говорилось в ней, – что „Фрам“ направляется в Антарктику. Амундсен“».

«То есть как это в Антарктику?! – разъяренно метался он тогда по набережной. – Какого дьявола он забыл здесь?! Как это возможно: объявлять всему цивилизованному миру о намерении идти к Северному полюсу, а самому втихомолку готовиться к походу к берегам Антарктиды?! Зная при этом, что туда уже направляется экспедиция англичан?!»

¹⁵ Южный магнитный полюс время от времени смещается, но в то время он находился в Южном океане, вблизи антарктической Земли Адели и Берега Георга V.

Какие только чувства ни бурлили тогда в его душе: ярость, презрение, высокомерная снисходительность, страх перед тем, что все приготовления, все усилия могут оказаться напрасными, если Норвежец обойдет его на пути к полюсу...

Правда, где-то в глубине сознания еще теплилась надежда, что это «заявление Амундсена» – то ли чья-то злая шутка, то ли некий пропагандистский демарш кого-то из норвежцев. Только поэтому уже на следующее утро Скотт телеграфировал Нансену, с просьбой прояснить ситуацию. Он решительно отказывался понимать логику исследователя, который, будучи прекрасно осведомленным о походе к Южному полюсу своего коллеги, решается устраивать некие гибельные антарктические гонки, подобные тем, что описаны в рассказах Джека Лондона. И доводил это до сведения Нансена, призывая его, таким образом, в посредники и арбитры.

Однако ответ Нансена оказался убийственно лаконичным – ему об этой экспедиции Амундсена ничего не известно. Скотт конечно же не поверил ему, но это уже ничего не меняло. Да и что, собственно, он хотел «услышать» от этого человека, никогда особенно не симпатизировавшего ни лично ему, ни Британии?

...Ну а снились ему в эту ночь зеленые холмы Претории, на одном из которых встречала его божественно красивая женщина с распущенными на ветру волосами. Вот только, поднимаясь на этот холм, Роберт явственно ощущал, как ноги его свинцово уходят в землю под какой-то наваливавшейся на него тяжестью. И столь же явственно осознавал при этом, что до заветной вершины, до её прекрасной хранильницы, добраться он так никогда и не сможет, ибо не суждено...

7

В лабиринтах снежных «морских полей» они блуждали весь последующий день и почти всю ночь, и только под утро каким-то чудом оказались на относительно «чистой» воде, усеянной мелким ледово-снежным крошевом. Как только офицеры убедились в этом, Скотт приказал поднять паруса и идти строго на юг. При этом природа словно бы приветствовала его решение, потому что около девяти утра показалось, пусть все еще по-антарктически холодное, зато по-южному яркое, ослепительное солнце.

Обрадовавшись ему, полярники начали набирать в ведра забортную воду и прямо на палубе устроили себе омовение, прибегая к помощи специально для морской воды изготовленного мыла. Поддавшись этому банному психозу, Скотт, по совету лейтенанта Бауэрс, который совершал подобные омовения чуть ли не каждый день, не обращая при этом внимания на погоду, и с его помощью, тоже устроил себе полярную баньку в одном из палубных закутков.

– Кто еще из землян может позволить себе в этот новогодний день, посреди антарктического лета, устраивать подобные купели? – подбадривал его этот, неведь когда и каким образом закалившийся худощавый, рыжеволосый коротышка, добывая для командира очередную порцию забортной воды.

– Вы сказали: «новогоднюю»?

– Сегодня первое января, сэр. Мы не чтим этот день так, как принято чтить Рождество, тем не менее каждый из нас неминуемо задумывается: «Каким будет этот день для меня, для экспедиции?»

– Полагаю, что для всех нас, на этом арктическом «Ноевом ковчеге» сущих, он будет годом познаний и открытий. Все остальное никакого значения не имеет.

Старательно вытершись полотенцем, капитан заметил проходившего мимо конюха Антона и поинтересовался, как чувствуют себя его подопечные.

– Наверное, они так никогда и не привыкнут к качке, – ответил тот. – Как, впрочем, и я.

– Лейтенант Мирз говорил мне о том, что вы очень тяжело переносите качку.

– Ему приходится видеть мои страдания чаще других, – признал русский¹⁶. – Как и слышать мои молитвы о том, чтобы Господь поскорее довел это судно до земной тверди.

– Если это вас хоть немного утешит, Антон, могу по секрету сообщить, что я переносю качку так же плохо, как и вы. А в бытность мою гардемаринком, морская болезнь настигала меня даже в тихую погоду, при самом малом волнении.

Прихватив с собой по пути лейтенанта Мирза в качестве переводчика, они спустились на нижнюю палубу, где стояли тринадцать уцелевших лошадок. Между кормушками оставалось пространство, позволявшее конюху наполнять и очищать их. Пока ночи стояли теплые, Антон здесь же, обвернувшись попоной и зарывшись в сено, и ночевал.

Офицеры внимательно осмотрели лошадей, а также само место привязи. Из-за постоянной качки и плохого отдыха, лошади явно сдали, но вины конюха в этом не было. Животные выглядели ухоженными, коновязь содержалась в чистоте. Благодаря лейтенанту Мирзу

¹⁶ Антон Омельченко (1883–1932). Скотт считал его русским, поскольку Омельченко был подданным Российской империи, на самом же деле по происхождению своему он был украинцем, родом из села Батьки, ныне Полтавской области Украины. После окончания экспедиции Омельченко был награжден английской медалью, а его имя внесено в список Королевского географического общества. Правительство Англии установило для него пожизненную пенсию, которую Антон получал до 1927 года, пока между СССР и Англией существовали дипломатические отношения. В 2001 году, при содействии Украинского Антарктического центра, его внук, Виктор Омельченко, стал участником украинской полярной экспедиции и провел зимовку на украинской антарктической станции им. Вернадского. Камень, привезенный из Антарктиды, внук положил на могилу деда в его родном селе на Полтавщине. Антон Омельченко официально считается первым украинцем, ступившим на землю Антарктиды.

капитан знал, что уже в тринадцать лет Антон работал на конном заводе где-то на юге России, откуда, вместе с отчимом, отправился на Русско-японскую войну, да так и остался во Владивостоке. Сначала тоже работал конюхом, а со временем, проявив талант наездника, стал лучшим жокеем дальневосточного края. Там, на окраине Владивостока, лейтенант Сесил Мирз и завербовал его для работы в экспедиции.

– То, что, как минимум, год надлежит провести на далекой чужой земле, посреди ледовой пустыни, вас не пугает?

– Немного страшновато, но предчувствую, что ложиться в эту ледовую землю мне не придется¹⁷.

– Считаете, что такое можно предчувствовать?! – удивился Скотт.

Антон пронизительно посмотрел в глаза англичанина и, словно бы удивляясь, что капитан не способен на подобное прорицание, пожал плечами:

– Разве вас самих никакие предчувствия не гложут?

– Не гложут. Я не предаюсь предчувствиям.

– Наверное, вы счастливый человек.

Скотт метнул взгляд на Сесила Мирза, но тот сразу же отвел глаза и сделал вид, что всматривается в очертания далекого ледового берега.

– О каких именно предчувствиях ты говоришь, конюх? – довольно сурово поинтересовался Скотт, но тут же почувствовал, что какая-то сила удерживает бывшего лихого наездника от того, чтобы он сказал правду.

– Как всякий полярник, вы знаете, о чем следует молиться, господин капитан.

– Мы все молимся, – резко отреагировал Скотт. – Это не ответ.

– Молиться-то мы молимся, но Всевышнему, а следует молиться судьбе, – многозначительно, и в то же время как-то слишком неопределенно, ответил Антон, поглаживая морду ближайшего пони.

Скотт недовольно побряхтел, тоже протянул затянутую в перчатку руку к ближайшей лошадке, но в последнее мгновение брезгливо отдернул её и пошел к трапу, ведущему на верхнюю палубу.

– Ты что, в самом деле способен видеть нечто такое, что изменит судьбу капитана? – нервно спросил Мирз, когда шаги Скотта затихли где-то на верху корабельного трапа.

– Попросил бы Господа, чтобы помиловал нашего капитана, да только боюсь, что это его уже не спасет, – угрюмо произнес Антон, и тут же попросил лейтенанта не передавать этот ответ Скотту.

Сам капитан вспомнил об этом разговоре лишь поздней ночью, когда взялся за дневник. «Оставались на палубе до полуночи, – старательно выводил Скотт, пытаясь приноровиться к бортовой качке. – Солнце только что зашло за южный горизонт. Зрелище было исключительное. Северное небо роскошно-оранжевого цвета отражалось в морской глубине между льдом, который горел огнями от цвета полированной меди до нежного „saumon“; на севере и горы и лед отливали бледно-зеленоватыми тонами, которые переливались в темно-фиолетовые тени, а небо переходило от бледно-зеленых тонов в шафрановый. Мы долго засматривались на эти чудесные цветовые эффекты.

¹⁷ Омельченко, очевидно, и в самом деле обладал даром ясновидения. Он уцелел не только в Антарктиде, но и во время Первой мировой войны, а также в годы революции и Гражданской войны в России. А смерть его, по воспоминаниям родных, была мистической: весенним утром 1932 года физически здоровый 49-летний Антон Лукич умылся, надел чистую рубаху и, объявив семейству, что доживает последний день, уселся на крыльцо с газетой в руках. Через несколько минут, перед началом грозы, сошедшая с неба шаровая молния коснулась его плеча, и полярника не стало. Память о нем хранит документальная кинолента «Экспедиция капитана Скотта», которая хранится в Британском Антарктическом центре. В одном из эпизодов Омельченко предстает перед зрителями танцующим в кругу английских полярников украинский народный танец «Гопак».

В течение ночи судно пробиралось между льдинами, и утро застало нас почти на краю открытого моря. Мы остановились, чтобы запастись водой с чистенькой бугорчатой льдины, и добыли около восьми тонн воды. Ренник сделал промеры лотом; глубина 1960 морских саженей. Трубка принесла два маленьких куска вулканической лавы с примесями обычного морского глобигеринового ила...»

Отложив дневник, капитан вдруг ощутил явную и, на первый взгляд, совершенно беспричинную тревогу. Его все еще не оставляло ощущение того, что «полярный наездник», как называл он про себя Антона, знает о его будущем нечто такое, чего не дано знать ему. «Неужели ему чудится моя гибель во льдах? – недоверчиво покачал головой Скотт. – Если что-либо и чудится, – успокоил себя капитан, – то это всего лишь полярные миражи. Всего лишь арктические миражи».

8

Как только, после очередного утреннего купания, капитан Скотт надел свитер, матрос, дежуривший в «вороньем гнезде», неожиданно крикнул:

– Вижу справа по борту вершину горы! Очень похожую на вулкан!

– Это и в самом деле вулкан, сэр, – поспешил к капитану штурман Пеннел. – Перед нами – Эребус, самая высокая из всех известных нам гор Антарктиды.

– Как далеко мы находимся от нее, лейтенант?

– Не менее ста миль, сэр. В подзорную трубу мы можем видеть её только благодаря исключительно чистому воздуху.

– И это уже Антарктида, джентльмены! – объявил Скотт. – Мы почти у цели. В каких-нибудь двадцати милях отсюда нам должен открыться мыс Крозье.

На следующее утро, все такое же солнечное, хотя и по-арктически прохладное, полярники приблизились к закованным в ледовые доспехи берегам мыса настолько, что принялись промеривать глубины. И были неприятно удивлены, что с приближением к берегу глубины эти не уменьшались, а, наоборот, увеличивались, достигая трехсот десяти – трехсот пятидесяти морских саженей, вместо приемлемых для якорной стоянки ста восьмидесяти. К тому же попутный ветер вызывал слишком большие волны, которые запросто могли уничтожить их китобойную шлюпку, уже подготовленную к спуску.

Когда к вечеру стало ясно, что высадку придется окончательно отложить, Скотт мрачно произнес:

– Ну что ж, господа полярные странники, мысом Крозье, со всеми его выгодами и красотами, придется пожертвовать. Уводите судно на восток, лейтенант Эванс, в сторону вон того Черного острова, – указал он на оголенные прибрежные скалы, резко контрастировавшие своей чернотой на фоне ослепительно-белых льдин, сгрудившихся у их подножия.

Тем временем палубы судна постепенно превращались в лабораторию под открытым небом. Аткинсон и Пеннел тут же принялись чертить план медленно проплывавшего мимо ледового барьера, доводя его до восточной оконечности мыса Крозье; Симпсон, как всегда, усердно возился со своими метеорологическими приборами, а Понтинг метался по палубе, хватаясь то за фотоаппарат, то за кинокамеру.

Обнадеживал своими сообщениями и гидролог Ренник, уже сумевший установить вполне приемлемую для стоянки глубину в сто сорок морских саженей, в то время как биолог Нельсон горячечно добывал образцы донного грунта и замеривал температуру водных глубин. Нервно потирали руки в ожидании высадки на берег физик-канадец Чарльз Райт, внешне медлительный, но пунктуальный геолог Пристли и морской биолог Лилли. Уже в который раз осматривал двигатели своих мотосаней механик Дэй, наобещавший накануне дюжину специальных санных экспедиций почти каждому из ученых, словно намерен был распоряжаться этими моторами как своей тягловой собственностью.

«Что ж, – мысленно подытожил Скотт результаты своего осмотра этой „лаборатории“, – можно считать, что исследование самого материка Антарктиды уже началось. Если научная группа и дальше будет работать с таким же рвением, мы получим немыслимое количество данных, на обработку и классификацию которых уйдут потом месяцы цивилизованного бытия».

Когда на воду спустили один из китобойных баркасов, у трапа началось вавилонское столпотворение. Всем вдруг захотелось непременно попасть на «китобоя», у каждого нашлись причины для спешной высадки на берег, каждому хотелось ступить на берег Антарктиды в числе первых. Десантный отряд из шести полярников был сформирован Скоттом довольно быстро: вместе с ним к скалистому берегу должны были отправиться офи-

церы Уилсон, Тейлор, Пристли, Гриффит и Эванс. Но они еще только рассаживались, когда ротмистр Отс нашел важное для себя решение: он предложил капитану высадить гребную команду матросов, а вместо них усадить за весла офицеров.

И поскольку Скотт возражал слишком неуверенно, ротмистр драгунского полка сам приказал матросам покинуть баркас и вместе с доктором Аткинсоном и помощником зоолога Черри-Гаррардом занял их места за веслами.

Но вскоре оказалось, что все порывы десантников напрасны. Совершив несколько попыток приблизиться к берегу, они вскоре выяснили, что прибрежные скалы и айсберги, а также паковый лед и сильное волнение высадиться на берег им так и не позволят – ледовый барьер оказался неприступным. Словно бы дразня полярников, с вершины огромного ледового валуна за их попытками иронично наблюдал старый, линияющий императорский пингвин, с монаршей снисходительностью прощавший им попытки вторгнуться в его владения.

А тут еще рядом с ним появился молодой пингвиненок, который пока еще терял пух с головы, маленьких крылышек и с груди, завистливо мечтая при этом о «черном смокинге» предка. Молодой пингвин суетно подходил к краю скалы то в одном, то в другом месте и, свысока посматривая на людей, приставал к старому наставнику с вопросами на своем ворчливом пингвиньем языке.

– Взгляните на этого юного отпрыска «императора»! – мгновенно забыл о своих веслах Аткинсон. – Вряд ли кому-либо из ученых приходилось наблюдать молодого пингвина этой породы в таком возрасте и в такой стадии развития. Жаль, что я не могу воскликнуть: «Полцарства за этого пингвина!».

– Крикните: «Полвесла!»», – саркастически посоветовал ему экспедиционный остряк Отс, – мы вас пойдем.

Скотт тем временем взвешивал шансы своей команды. Не составляло никакого труда понять, что на мысе было прекрасное, хорошо защищенное место для экспедиционного дома и вообще для базового лагеря. Лед мог служить источником воды, снежные склоны располагали к лыжным тренировкам, а гладкие каменистые площадки – к приморским прогулкам. Рядом обитали две колонии пингвинов – которые, как и тюлени, могли быть не только объектом исследования, но и дополнительным источником свежего мяса.

Уже вернувшись на судно, капитан записал в своем дневнике: «Отсюда близко к барьеру и к колониям двух видов пингвинов; удобно подниматься на гору Террор, хорошие условия для биологических работ, отличные обсервационные пункты для всевозможных наблюдений, довольно удобный путь на юг без угрозы быть отрезанными и т. д. и т. п. Очень и очень жаль покидать такое место».

А уходить нужно было, потому что Скотт прекрасно понимал: при той крутизне берега и том волнении океана, которыми встречает Антарктида, высадка на берег займет несколько недель. При этом он с трудом представлял себе, каким образом следовало перемещать туда с судна трое мотосаней и разобранный дом.

Совсем близко, по правому борту, проплывали мысы Ройдса и Барна; далеко заползавший в море глетчер и Неприступный остров; множество каких-то безымянных мысов и бухточек... А Скотт все никак не мог определиться с выбором места для лагеря. Впереди их ожидал мыс Эрмитадж, расположенный милях в двенадцати от очередной бухты, в которой «Терра Нова» сбавила ход, и где-то за ним должен был располагаться дом, который Скотт со своими товарищами возвел во время экспедиции на судне «Дискавери». Однако теперь капитан уже не считал это место идеальным для лагеря и предстоящей зимовки; к тому же они вновь, уже в который раз, входили в огромное поле мелкого льда, именуемого моряками «салом».

Созвав в кают-компании офицерское собрание, Скотт предложил обсудить два варианта: вторгаться в ледовое поле, чтобы через два десятка миль оказаться в районе лагеря

«Дискавери», или же вернуться назад и, вновь обогнув Непрístupный остров, высадиться в бухте у мыса, который до сих пор назывался «Мысом Чаек». После небольшого обсуждения все остановились на Мысе Чаек, и капитан тут же приказал разворачивать судно, чтобы на всех парах возвращаться на избранное место.

Как только, прорвавшись через поле тонкого льда, «Терра Нова» уперлась в мощный ледовый припай в полумиле от пологой, каменисто-песчаной бухты, все убедились, что выбор их оказался верным: лучшего места в прибрежной зоне найти было очень трудно. Первыми на лед спустились Скотт, лейтенант Эванс и доктор Уилсон. Причем лейтенанта ждал приятный сюрприз. Едва приблизившись к берегу, Скотт остановил группу и прокричал, что нарекает эту местность «Мысом Эванса» в честь командира судна «Терра Нова».

На палубе это сообщение встретили возгласами одобрения. Обосновывая свой выбор на страницах дневника, Скотт со временем писал: «Уже первый взгляд, как я и надеялся, открыл нам идеальные места для зимовки. Каменная порода состояла здесь преимущественно из очень выветренного вулканического конгломерата с оливином, от чего образовалось множество грубого песка. Для дома же мы избрали местность, обращенную спереди на северо-запад и защищенную сзади многими холмами.

Эта местность, кажется, вбирает в себя все выгоды (которые я со временем опишу) для пребывания здесь зимой, и мы решили, что наконец-то дождались благоприятного перелома. Самое приятное то, что можно будет, очевидно, в ближайшее время наладить сообщение с мысом Эрмитадж. После стольких дней невзгод счастье улыбнулось нам; в течение целых суток стоял штиль при ярком солнце...»

Пока капитан и его спутники осматривали мыс, определяя место для экспедиционного дома и хозяйственных построек, первый помощник командира судна лейтенант Кемпбелл организовал выгрузку на лед первых двух мотосаней, которые тут же приказал готовить к перевозкам грузов от причала до базы. И вскоре они действительно заработали: их водители, Дей и Нельсон, настолько освоили технику, что создавалось впечатление, будто они проработали на ней половину своей жизни.

Тем временем команда судна спустила на лед все семнадцать пони, устроив им коновязь прямо на льду, но у самого берега. Затем неподалеку организовали привязь для собак, причем устроили её таким образом, что все они оказались привязанными к длинной, прикрепленной к специальным кольям цепи, которая пролегла по прибрежному песку. Ощувив под ногами твердую землю и снег, животные как-то сразу же приободрились, ожили и даже стали проявлять свой норов.

К концу дня Скотт придирчиво осмотрел уже подготовленную для закладки дома местность и большой зеленый шатер, в котором должны были жить теперь строители и те, кто ухаживал за животными. Никаких особых замечаний у него не возникло: люди работали старательно, материалы оказались вполне пригодными к использованию, да и погода пока еще оставалась милостивой.

Несколько последующих дней все без исключения полярники и члены корабельной команды трудились от рассвета до заката: выгружали припасы и перевозили их на базы; собирали большой бревенчатый дом, устраивали основной склад экспедиции.

Но даже события этих благополучных дней напомнили Скотту, что он – в Антарктике и что каждый проведенный здесь день становится еще одним днем борьбы за выживание. Случилось так, что две эскимосские собаки были временно привязаны неподалеку от корабля, почти у края ледового поля. Как только они оказались там, у носа судна появилась стая агрессивно настроенных дельфинов-косаток.

Поначалу Скотт не связывал их появление с присутствием здесь собак и даже позвал кинооператора Понтинга, чтобы тот спустился с судна и заснял игры приблизившихся хищников. Истинные же намерения косаток раскрылись лишь тогда, когда, поняв, что у края

ледяного барьера лаек им не достать, косатки нырнули под ледовое поле, а еще через минуту огромный пласт льдины всколыхнулся и буквально взорвался на глазах у полярников. Но и этого хищникам показалось мало.

Чтобы расширить трещины, косатки одна за другой подныривали под лед и мощными спинными ударами пытались окончательно разрушить льдины. И только чудом можно объяснить то, что Герберт Понтинг сумел устоять на ногах и спастись бегством и что трещины прошли рядом с привязью собак, а не под ней. Что же касается хищников, то, убедившись, что ни человека, ни собак в пробитой ими полынье не оказалось, они сразу потеряли к происходящему всякий интерес и, к счастью полярников и их лаек, убрались восвояси.

Однако на этом приключения не закончились. Выгрузка с судна третьих мотосаней прошла нормально, но во время транспортировки к берегу, в двухстах шагах от судна, они внезапно попали в трещину и, расширив ее своей массой, ушли на дно. Пытаясь спасти машину при переправе через трещину, несколько полярников удерживали ее канатами, из-за чего сами чуть не поплатились жизнями.

«Если бы Амундсен узнал об этой нашей потере, наверняка мстительно расхохотался бы, – подумалось капитану. – Он-то, судя по всему, ограничился только выносливыми эскимосскими лайками, да прихватил с собой нескольких эскимосов, которые не только станут ухаживать за ездовыми псами, но и будут идти впереди полюсной команды, выстраивая для нее иглу – эти, по-полярному уютные, почти теплые, веками проверенные на опыте многих арктических народностей ледяные домики».

Когда Скотт узнал, что, прервав свой полярный рейд, Амундсен направил «Фрам» к берегам Южной Америки, он потерял душевное равновесие, хотя первое известие об этой аванюре Норвежца он узнал из милых уст Кетлин.

* * *

– Извините, мой великий мореплаватель, но вынуждена признаться, что скрыла от вас еще одну малоприятную новость, – томно произнесла Кетлин, когда они покинули апартаменты губернатора и пошли к поджидавшей их у подъезда машине, которая должна была доставить их сначала на виллу Гладстона, а затем и на железнодорожную станцию. – Думаю, что о ней вам лучше узнать сейчас.

– Видно, я вступил в такую полосу своего бытия, когда все вокруг сговорились ошарашивать меня новостями, как правило, малоприятными.

– Увы, путь к лучезарной славе всегда пролегает через мрачные тени беславия.

– А нельзя ли как-нибудь обойтись без этих «теней»?

– Уже нельзя. Однако напомним, что вы сами стремились к такому положению в обществе, капитан Скотт.

– Я всегда стремился только к Южному полюсу.

– Многим кажется, что не столько к Южному полюсу, сколько к полюсу славы.

– «Полюс славы» – всего лишь приложение к тому, истинному полюсу, – возбужденно парировал Роберт. – Подобно нашивке на погоне, которая определяет в боях добытый чин или орден... Неужели это сложно понять?

– Лично я никакого нравственного расхождения между этими двумя полюсами не нахожу, – пожала плечами Кетлин, предусмотрительно отделяя себя от всех тех, кто в принципе не способен уловить этого единства.

– Лицемеры чертовы! Хотел бы я встретиться с кем-нибудь из них посреди ледовой пустыни, в ста милях от полюса, при температуре минус шестьдесят по Цельсию. После двадцати ночевков в насквозь промерзшей палатке.

Они устроились на заднем сиденье и проследили за тем, как водитель медленно объезжает фонтанную статую, украшавшую внутренний двор губернаторской резиденции. Они уже знали, что у губернаторских водителей этот «круг почета» воспринимался в виде своеобразного ритуала.

– Как вы понимаете, мой полярный капитан, большинство джентльменов Британии, как, впрочем, и её доминионов, предпочитают более краткий путь к славе, – молвила Кетлин, явно желая продолжить их разговор. – Можем ли мы осуждать их за это?

Роберт воспринял слова жены как упрек, но вместо ответа мягко взял ее пальцы в свои. Всякий раз, когда ему хотелось ответить на какой-либо выпад Кетлин в свой адрес, капитан напоминал себе, что там, посреди безжизненной ледовой пустыни, в порыве любовной тоски он пожалеет о любом резком слове, любом упреке, высказанном этой женщине. Независимо от того, насколько этот упрек окажется справедливым.

Да, Кетлин порой пользовалась этим настроением, этим состоянием, но стоило ли истинному джентльмену замечать подобные женские хитрости? Тем более что порой они оба забывали о предстоящей разлуке и вели себя так, словно впереди у них много ночей, которые предстоит провести в объятиях друг друга.

– Вам, сэр, известно, что в Министерстве иностранных дел у меня завелся свой агент, – почти на ушко прошептала Кетлин.

– Почитатель вашей красоты и добродетели, – все же не удержался Роберт. – Так буде точнее.

– Разве я назвала бы своим агентом человека, не способного плениться моими достоинствами? Вы меня недооцениваете, мой великий мореплаватель! – Когда Кетлин улыбалась, на правой щеке ее, почему-то только на одной, образовывалась едва заметная ямочка, которая, вместе с привычкой морщить слегка вздернутый носик, придавала выражению лица этой «женщины за тридцать» озорную подростковую шаловливость. – Но дело, конечно, не в этом. Вчера, во время телефонного разговора со мной, он сообщил нечто такое, о чем я благоразумно не решилась уведомить вас перед сном, сэр.

Роберт вспомнил, какими прощально страстными были объятия Кетлин и насколько бурной выдалась вся прошлая ночь, особенно ее первая половина, и мечтательно улыбнулся. Ах, эти ночи на африканских холмах, под львиный рев и любовные призыва ночных птиц! Какими же сладостными будут воспоминания о них в антарктических палатках полярного странника! После таких ночей любой женщине можно простить все, даже напоминание об этих ее «тайных агентах», подобранных из числа ревностных ценителей ее красоты и добродетели. Исключительно из числа ценителей.

– Он уведомил вас, что правительство Южно-Африканского Союза собирается выделить значительно меньше средств, нежели нужно для того, чтобы не пасть в глазах лондонских аристократов?

– Можете не сомневаться, что сумма эта будет значительно меньшей, – поспешно заверила его Кетлин. – Однако мистер Рой Грекхем сообщил не об этом. Вы, мой великий мореплаватель, ошибаетесь, если думаете, что ваш единомышленник Амундсен дрейфует сейчас в сторону Северного полюса.

Услышав это, капитан первого ранга тут же насторожился:

– А... куда он дрейфует на самом деле?

Они проезжали мимо ресторана «Бристоль», который в Претории представал в роли «Английского клуба», и Кетлин предложила зайти туда. Скотту хотелось потребовать немедленного ответа, но, зная упрямство супруги, он понял: чем скорее усадит ее за ресторанный столик, тем скорее узнает о том, что его интересует.

Как только метрдотель подошел к столику, Кетлин сразу же попросила его принести бутылку любого красного вина, но обязательно аргентинского.

– Только аргентинского. Закуска на ваш выбор. И все это – как можно скорее, у нас мало времени. – И лишь после того, как с бокалом красного аргентинского вина в руке Кетлин произнесла тост и они выпили, она сказала:

– На самом деле этот Норвежец дрейфует к берегам Аргентины.

– С какой стати?

– Вскоре мои агенты выяснят это.

– Я всегда знал, что в географии Амундсен не силен, однако никогда не думал, что он решится идти к Северному полюсу, направляясь из Европы к берегам Аргентины.

И лишь когда Роберт окончательно впал в угрюмое молчание, женщина поняла, насколько несвоевременной оказалась для него эта новость. В общем-то, подобную реакцию она предвидела, но решила, что скрывать от мужа это известие не имеет права.

– Теперь мне понятно происхождение вина, которым мы здесь наслаждаемся, – задумчиво произнес тем временем капитан первого ранга. – Интересно, что он намеревается исследовать здесь со своей полярной командой?

– Каюсь, я сообщила тебе далеко не все.

– Значит, и это еще не все... – обреченно обронил Роберт.

– Вместо того чтобы отправляться к полюсу, Амундсен надолго пришвартовал свое судно «Фрам» в порту острова Мадейры. И только оттуда, в письме, составленном не в полярной палатке, а под пальмой, в том письме, которое он адресовал кому-то из королевского двора Норвегии, он признался, что в действительности давно потерял интерес к Арктике и направляется в Аргентину, в Буэнос-Айрес. Но самое интересное для вас, мой великий мореплаватель, заключается в тех строчках его письма, в которых он сообщает, что из Аргентины он отправится в Антарктику, откуда от него уже никаких вестей поступать не будет. Вообще никаких, вплоть до марта 1912 года.

– До марта 1912-го?! – не удержался Скотт, чувствуя, как кровь приливает к его лицу.

– И если учесть, что южные границы Аргентины почти вплотную подходят к границам Антарктики, – уже откровенно и безжалостно добивала его Кетлин, – то становится ясно, что для Амундсена не будет проблемой сделать бросок из Огненной Земли к северным землям Антарктики, в частности, к Антарктическому полуострову, к Земле Грейама, к шельфовому леднику Ларсена.

– Стоп-стоп, эти названия взяты из письма Норвежца?! Это принципиально важно: Амундсен сам указывал эти географические точки Антарктиды?

– Насколько я поняла, никаких, как ты порой изволишь выражаться, «географических привязок на местности» Норвежец не делал. Во всяком случае, агент о них умалчивает. Зато я сама сверялась с картой южного полушария.

– Оттуда, от южной оконечности Огненной Земли, до Ледового материка действительно недалеко, – почти со стоном выдавил из груди Скотт.

Он прекрасно понимал, что с сегодняшнего дня уже никогда, ни одного полярного дня не будет чувствовать себя спокойным; что, по милости своего основного соперника, навсегда теряет монополию на путь к Южному полюсу.

– Вот я и подумала: а не может ли случиться так, что пока мы будем тащиться на своем барке сначала к Австралии, а затем к Новой Зеландии, чтобы там и там пополнить свои запасы, а уже оттуда – к берегам Антарктиды... Амундсен уже будет двигаться к полюсу?

– Поэтому я и хотел выяснить: не конкретизировал ли Руал, что именно его интересует в Антарктиде?

– А разве для такого авантюриста, как Норвежец, – упорно наделяла его этим прозвищем Кетлин, – в Антарктиде может существовать иная достойная цель, кроме самого полюса? Еще никем не изведенного.

Скотт долил себе вина, залпом опустошил бокал и невидящим взором уставился в окно ресторана, за которым виднелась крона экзотического латиноамериканского дерева.

– Но ведь он же знает, что к полюсу движется моя экспедиция, – хрипловатым, осевшим голосом процедил капитан. – Не по-джентльменски это.

Кетлин грустно улыбнулась:

– О каком джентльменстве может идти речь, если на кону лавры первооткрывателя Южного полюса?

– Леди, а тем более супруга капитана первого ранга Скотта, – назидательно напомнил ей полярник, – не может рассуждать подобным образом.

– Раз уж норвежец Амундсен закусил удила, джентльменские предрассудки англичанина Скотта его не остановят, – окончательно решила не щадить своего супруга Кетлин. – Не говоря уже о том, что для «запоздалого викинга», как назвала Норвежца одна из газет, джентльменские каноны ровным счетом ничего не значат. И никогда не значили.

– К тому же следует учесть крайне напряженные отношения между Британией и Норвегией, – почти с отчаянием покачал головой полковник флота, давая понять, насколько несвоевременной оказалась эта выходка Амундсена. – Как все это некстати! Как некстати.

– Неслучайно это сообщение Норвежца уже попало не только на страницы скандинавских, но и на страницы некоторых лондонских газет. И вызвали там сенсацию, которая нам с вами, мой великий мореплаватель, сейчас абсолютно ни к чему.

– Еще бы! Вместо того чтобы восхищаться успехами моей экспедиции, газетчики теперь станут забавляться подробностями моей заочной дуэли с Норвежцем!

9

Заметив на льду лейтенанта запаса королевского флота Уилфреда Брюса, капитан решил немного пообщаться с ним. Как-никак брат его жены Кетлин оставался самым близким ему, почти родственным человеком в экспедиции.

– Как вы чувствуете себя, лейтенант? – приблизился он к Брюсу, когда тот на пару с Аткинсоном в очередной раз перевозил на лошади грузы от причального склада в лагерь.

Лейтенант оглянулся на голос, но при этом вел он себя как-то странно.

– Нормально, сэр. Осваиваю профессию портового грузчика.

– Не жалеете, что из-за меня ввязались в некую опасную авантюру? – произнося это, капитан умышленно сместился в сторону шедшего позади Аткинсона, чтобы проверить свое предположение.

– Она действительно опасна, и в этом ее прелесть, – ответил Брюс, но при этом смотрел в том направлении, где недавно стоял Скотт.

– Вы правы, – вмешался в этот эксперимент Аткинсон, – лейтенант почти ничего не видит, снежная слепота. Впрочем, у меня дела не лучше. Полагаемся только на лошадок, которые уже привычно ведут нас по наезженной дороге.

– Немедленно обратитесь к лейтенанту Бауэрсу и получите защитные очки, – сурово молвил Скотт. – Каюсь, я и сам не сразу воспользовался ими, в чем теперь искренне раскаиваюсь. Ночью вам придется, как минимум, два часа просидеть у шатра, всматриваясь в темноту. Это поможет вашим глазам хоть в какой-то степени восстановиться. И впредь снежными пейзажами любоваться только сквозь зеленые защитные очки.

– Считаете, что это поможет? – усомнился Брюс.

– Если не поможет, отправлю вместе с судном в Новую Зеландию. Слепцы мне здесь не нужны. Причем отправлю обоих, – уточнил капитан, дабы сделать свое жесткое предупреждение хоть в какой-то степени объективным.

На закате следующего дня Скотт вместе с лейтенантами Эвансом и Кемпбеллом официально осматривал дом, строительство которого уже подходило к концу. Это надо было сделать, чтобы при необходимости внести коррективы в его достройку. Излагая затем свои впечатления на страницах дневника, капитан писал: «Вторник, 10 января. Сегодня идет шестой день, как мы находимся в заливе Мак-Мердо, и могу сказать, что мы уже устроились. Никогда и ничего подобного не удавалось сделать так быстро и так совершенно. Сегодня утром возили в большинстве своем корм, после полудня – брикеты на топливо, более двенадцати тонн...

Дом продвигается быстро, и все согласны с тем, что он должен быть очень удобным жильем... Стены обшиты с двух сторон и переложены прекрасными простеганными мешками, набитыми морской травой. Крыша снизу и сверху имеет дощатую подстилку. На нее положены: двойной рубероид, потом изоляция, затем снова дощатый настил и, наконец, тройной рубероид. Первый пол тоже настелен, однако на нем будет изоляция, затем войлок, потом второй пол и на нем линолеум. А поскольку со всех сторон можно насыпать вулканического песка, которого вокруг великое множество, то трудно предположить, что будет поддувать снизу, и нельзя предположить, чтобы много тепла уходило в этом направлении...

Кроме изоляции стен с южной и восточной сторон были высоко нагромождены тюки прессованного сена. Эта стена окажется в два тюка в ширину и в шесть тюков в высоту. Помещение для лошадей будет накрыто деревом и брезентом, поскольку не хватает досок. Нужно будет следить, чтобы на этой крыше не собиралось много снега; во всем же остальном конюшня – хоть куда».

На следующее утро Скотт вновь внимательно осмотрел еще недостроенную экспедиционную «хижину» и вновь остался доволен и ходом строительства, и ее предполагаемым уютом. Но именно в те минуты, когда капитан растрогался по поводу будущего пристанища, ему вдруг вспомнился другой дом – прекрасная вилла на окраине Клифтона, настоящий шедевр архитектурного искусства, предоставленный им с Кетлин на новозеландском Южном острове страховым агентом Джозефом Кинси.

Выстроенное на краю горного плато, это двухэтажное строение напоминало небольшой двухпалубный барк, аккуратно выброшенный штормом на каменистый остров. Они вели себя на этой вилле как влюбленные молодожены, и Роберту до сих пор грезились загорелые ноги Кетлин, ее золотисто-бархатная, во время каждого поцелуя вздрагивающая шея; ее слегка скуластое, смуглое лицо, озаряемое белозубкой улыбкой и зелеными, с голубоватой поволокой глазами...

Кетлин любила подолгу стоять на окаймленной колоннами веранде виллы, с высоты которой открывался вид на улочки Крайстчерча, на уголок океанского пляжа и на бухту, служившую пристанищем для суденышек местных рыбаков и яхтсменов. Настоящая же гавань открывалась на стыке испещренной озерами и речными долинами Кентерберийской равнины и гряды прибрежных холмов. Ночью они спали в саду, напоминающем оранжерею, и пьянящий аромат цветов удивительным образом сливался с неповторимым запахом океана.

Когда утром Роберт уезжал в отведенный ему в Крайстчерче офис, Кетлин провожала его с таким эмоциональным настроением, с такой нежностью, словно он уже отправлялся в Антарктику. За время отдыха в Крайстчерче он всего несколько раз побывал на «Терра Нове», чтобы проследить подготовку к экспедиции, но всякий раз ловил себя на том, что палуба корабля привлекает его все меньше и меньше. Нет, от Антарктиды он не отрекался, но все же его влекло не в страну глетчеров, а туда, к «дому на утесе», как называла эту виллу Кетлин; к домашнему уюту, к женскому очарованию.

– Ты бы хотел, чтобы у нас был такой дом? – спросила его Кетлин за день до того, как они должны были навсегда покинуть виллу Кинси и отправиться в Порт-Чалмерс, приютившийся в двухстах милях южнее Крайстчерча, в предгорьях Какануи.

– Ты же знаешь, что мои мечты связаны с совершенно иными представлениями.

– Нет-нет, – тут же уточнила супруга капитана, вынужденного жить исключительно на свое скромное жалованье морского офицера, – я имела в виду не роскошь этой виллы, которая нам явно не по карману, а красоту местности, в которой она расположена.

– Порой я умудрялся забывать, что возвращаюсь в наше с тобой временное пристанище, дружески предоставленное нам меценатом. – Утомленные длительной прогулкой, они поднимались по тропинке, ведущей к вершине холма, то и дело останавливаясь, чтобы осмотреть окрестности.

– Так, может быть, нам стоит?...

– Я уже трижды отвечал тебе на этот вопрос, – решительно прервал ее Роберт. – И еще раз повторяю: «Нет, я не останусь на этих прекрасных берегах и не стану малодушно дожидаться здесь возвращения экспедиции!»

– Ну что вы, мой великий мореплаватель, – игриво погладила его Кетлин по предплечью, – я не посмела бы отговаривать вас от экспедиции. Наоборот, хотела пофантазировать по поводу пребывания здесь после вашего возвращения с полюса.

– Извините, леди Кетлин. Я и сам не против того, чтобы купить где-нибудь в этих местах некую хижину.

– Или перевезти сюда ту, в которой будете зимовать в Антарктике. Кстати, а ведь это мысль, причем вполне коммерческая.

– Ты говоришь о такой возможности всерьез?

– А что в этом нереального? Ведь ради тренировки твои люди уже собирали этот дом, затем разобрали его и погрузили на судно. Так почему бы опять не разобрать ваше жилище и не доставить сюда, в Новую Зеландию? Чтобы собрать уже в том виде, в каком оно прошло испытание в Антарктиде?

– А что, это получилось бы чудное обиталище!

– В полном смысле этого слова, историческое, в котором всегда было бы полно друзей, ветеранов Антарктики и просто странников, – вдохновенно вводила Кетлин мужа в существо своего замысла. – Это было бы жилище, которое еще при твоей жизни стало бы музеем покорения Антарктиды, музеем капитана Скотта.

Роберт подал ей руку, помог взойти на небольшой барьер, через который пролегала тропа, и, приблизив к себе, нежно поцеловал в губы.

– Какие у вас дальновидные планы, леди Кетлин, – с придыханием произнес он, осмотревшись, словно подыскивал место, способное заменить им брачное ложе.

– Напрасно иронизируете, мой великий мореплаватель. Рано или поздно вопрос о создании такого музея все равно возникнет. Исходя не столько из вашего престижа, сколько из престижа Британии. Кстати, насколько я помню из твоих рассказов и твоей книги, одну хижину, которая в свое время приютила экспедицию «Дискавери», ты так и оставил на каком-то из глетчеров.

– Так оно и было. Это наша аварийная хижина, расположенная на мысе Хат-Пойнт. Она вполне оправдала свое название, когда, по существу, спасла экспедицию Эрнста Шеклтона¹⁸, члены которой, во главе с ним самим, нашли в хижине пристанище в пургу и лютый мороз.

– Обязательно постарайся провести ее, – беспорядочно переходила Кетлин в своем обращении с «вы» на «ты», и обратно. Переход на «вы» всегда сопровождался появлением в ее тоне неких высокопарных ноток.

– Не раз думал об этом.

– И, если это возможно, тоже прикажи разобрать и погрузить на судно. Таким образом, здесь, в Новой Зеландии, а возможно, и в самой Британии, может образоваться своеобразная «антарктическая деревушка». Представляете, на какие воспоминания она навевала бы вас, мой великий мореплаватель!

...Вспомнив об этой беседе, капитан с какой-то особой теплотой взглянул на недостроенное пристанище полярных странников и представил себе, как бы оно смотрелось на одном из прибрежных холмов Крайстчерча, открытое всем горным и океанским ветрам.

¹⁸ Эрнст Шеклтон – участник антарктической экспедиции капитана Скотта на судне «Дискавери», во время которой чуть было не погиб и выжил только благодаря исключительному мужеству своих спутников, в том числе и капитана Скотта. В 1907–1909 годах Шеклтон совершил самостоятельную экспедицию в Антарктиду на судне «Нимрод» и даже пытался достичь Северного полюса, чем вызвал откровенное недовольство Скотта. По описанию самого Шеклтона, во время самостоятельной экспедиции он укрывался в «аварийной хижине» капитана Скотта, но при этом повел себя крайне небрежно. Пробравшись в домик через высаженное ими окно, полярники затем поленились поставить окно на место и надлежащим образом закрыть его, чтобы спасти хижину от стихийного разрушения.

10

К экспедиции на Хат-Пойнт, к своей «аварийной хижине», расположенной в пятнадцати милях от базы, капитан Скотт мысленно готовился давно. Другое дело, что из-за несметного количества дел на базе постоянно приходилось откладывать её. Но теперь, когда, в преддверии зимы, отопительная печь в Экспедиционном доме была установлена, трубы обогрева проложены, плита для приготовления пищи тоже заработала, капитан мог позволить себе и такую вот, тренировочную, перед рейдом к полюсу, разминку.

Поскольку это был воскресный день, Скотт решил взять с собой только Сесила Мирза, подарив остальным время для банных услуг, отдыха и написания писем, которые «Терра Нова» должна была доставить в Новую Зеландию.

— Поскольку до Хат-Пойнта всего пятнадцать миль, советую создать упряжку из девяти собак, — предложил Мирз, как только капитан окончательно остановил свой выбор на нем. — В более далекий путь и при более тяжелом грузе полагается впрягать двенадцать-пятнадцать.

— Мы берем с собой только походную металлическую печь, спальные мешки, лом, топор, две лопаты и продовольствия на пять суток. При любом рейде с ночевкой из экспедиционного лагеря следует выходить, имея трехсуточный резервный запас продовольствия, — объяснил Скотт, обращаясь ко всем собравшимся вокруг него офицерам. — Считайте это приказом, который не будет отменяться до конца нашей экспедиции.

— Такой запас легко способен вмещаться в наших рюкзаках, — напомнил Сесил, — вместе с летними спальными мешками.

Капитан потому и остановил свой выбор на Мирзе, что во время недавнего похода тот успел разведать основательно заснеженную дорогу к Хат-Пойнту через мыс Эванса к мысу Ледовый Язык¹⁹. К тому же он хорошо управлялся с собаками, которые его знали. И хотя лейтенант преодолел не более четырех миль, этого было достаточно, чтобы появилась уверенность, что большую часть расстояния санки пройдут по вполне пригодной, то есть полностью заснеженной трассе.

Солнце поднялось достаточно высоко и светило так, как и должно было светить в воскресный летний день. Словно бы истосковавшись по привычному занятию, ездовые собаки тянули легко, так что на отдельных участках капитан даже позволял себе снимать лыжи и подсаживаться на нарты вместе с Мирзом, экономя при этом силы.

Без каких-либо приключений добравшись до Ледового Языка, полярники обнаружили там почти голый, изъезженный морскими ветрами лед, на котором лишь кое-где виднелись остатки былых снежных заносов. Зная, по описанию Шеклтона, что в этих местах должен располагаться оставленный им склад, они сошли с материковой равнины и поднялись на прибрежный глетчер. Уже через милю Мирз заметил справа по курсу врытые в лед толстые жерди, пространство между которыми было частью заложено тюками прессованного сена, а частью — ящиками с маисом, который со временем мог стать резервным запасом продовольствия теперь уже его, капитана Скотта, экспедиции. Для большей сохранности весь этот «Нимрод-склад», как назвал его капитан, был огражден естественной для Антарктики оградой из ледовых блоков и накрыт надежно закрепленным брезентом.

Оба полярника были уверены, что на складе должна храниться небольшая зернодробилка, которая бы им очень пригодилась. Не обнаружив ее, полярные странники не проявили больше интереса к содержимому пакгауза и вновь старательно закрыли его. Уже отойдя от

¹⁹ Мыс Эванс был отделен от мыса Хат-Пойнт двумя бухтами, между которыми пролежала узкая полоса не поддающегося окончательному таянию материкового льда. Она-то и была названа Ледовым Языком и тоже представляла в роли мыса.

«Нимрод-склада», Скотт с романтической грустью оглянулся на него. Любое строение в этой ледовой пустыни, пусть даже такое условное, как это, представало перед полярным странником символом цивилизации, некоей меткой бытия, признаком того, что кто-то здесь уже побывал, чья-то нога уже ступала...

– Вы правы, господин полковник флота, – попытался прочитать его мысли лейтенант Мирз, – в драматической ситуации этот склад с тюками сена вполне мог бы сойти за пристанище для полярников и даже спасти их от ураганного ветра, мороза и метели.

– Надо бы оставлять как можно больше таких «меток бытия», которые становились бы не только памятниками той или иной экспедиции, но и придавали последующим исследователям уверенности.

Мирзу показалось, что идти по приморской низине будет легче, но когда они спустились с Ледового Языка на паковый лед, то вскоре оказались перед огромной трещиной, по обе стороны от которой грелись на солнышке десятки тюленей.

– А вот и наши охотничьи уголья, – азартно воскликнул лейтенант, нервно нащупывая у себя в кармане пистолет, – в которых легко можно запастись на зиму тонной-другой мяса.

– Возможно, со временем мы действительно приедем сюда для антарктического сафари, поскольку мясо и жир этих животных нам так или иначе понадобятся, – охладил его пыл капитан, – однако сегодня отвлекаться не будем.

На всякий случай все офицеры экспедиции были вооружены пистолетами. Но, глядя на азартный блеск, вспыхнувший в глазах Мирза, капитан подумал, что следует установить жесткое правило: ни одного выстрела, ни одной гибели животного, если это не продиктовано жесткими условиями выживания группы, ее крайней нуждой.

– Мне рассказывали, что во время путешествия на «Дискавери» у вас из-за тюленей возник конфликт с вашим вторым помощником и штурманом экспедиции Альбертом Эрмитеджем. Он даже заявил журналистам, что «Скотт чувствует сентиментальное отвращение к забою тюленей в количествах, необходимых нам на зиму».

– Я действительно чувствую сентиментальное отвращение к бессмысленному истреблению этих беззащитных животных, – отрубил Скотт. – Однако с лейтенантом Эрмитеджем у нас возникали конфликты и по более серьезным поводам.

По пути им встретились еще две трещины, вокруг которых тоже безмятежно возлежали небольшие стада этих морских ленивцев, однако полярники уже не отвлекались на их созерцание, да к тому же досадовали на потерю времени, потраченного на обход каждого из провалов.

Когда на возвышенности Хат-Пойнта им наконец открылась «аварийная хижина», капитан почувствовал, как в груди его шевельнулось чувство, похожее на встречу с родным домом. Да, эта хижина оставалась частью его жизни, его памяти, его судьбы. Сидя на импровизированном крылечке у входа в это строение, Скотт мог бы часами вспоминать те дни, когда команда «Дискавери» возводила его, готовясь к зимовке; рассказывать о тех вечерах, которые были проведены у печного огня этой обители.

Именно эту хижину, те ситуации, которые были связаны с ней, капитан и описывал в своей книге «Путешествие на „Дискавери“». Упоминал и построенный рядом с ней небольшой сарайчик, почти конуру, который тем не менее напыщенно именовался «лабораторией», ибо использовался полярниками для магнитных наблюдений.

Впрочем, «хижиной» её можно было называть лишь условно, потому что на самом деле это был настоящий дом, с двумя окнами и дверью, выходящими на океан, и двумя полузакрытыми галерейными пристройками, которые использовались в виде складов. И стоял этот дом на возвышенности, на которой летом не оставалось ни снега, ни льда и которая под лучами яркого солнца представала в образе эдакого полярного пляжа.

Скотту вспомнился циничный рассказ Шеклтона о том, как небрежно сам он и его люди отнеслись к сохранности «хижины Скотта», в которой нашли ночной приют, и в душе его вспыхнуло что-то среднее между гневом и досадой. Еще больше это чувство зародилось в нем, когда, приблизившись к хижине, увидел, что покосившаяся дверь сорвана ветром, оконница открыта, а вся середина хижины завалена слежавшимся, заледенелым снегом.

– Как же можно так по-варварски относиться к жилью?! – решительно возмутился Скотт, когда вслед за Мирзом ему удалось влезть в дом через окно, чтобы осмотреть остававшиеся там ящики. – Как нужно не уважать и себя, и тех, кто эту хижину возводил, не говоря уже о тех, кому понадобилось бы искать в ней приюта так же, как искал его Шеклтон?!

– Этому нет ни объяснения, ни оправдания, – лаконично поддержал его Мирз.

Чтобы освободить из-под ледового панциря ящики и очистить саму хижину, у них уже не было ни сил, ни времени. Мирз извлек из «магнитной хижинки» несколько листов асбеста, и они устроили себе у дома небольшой закуток, в котором сварили какао и разогрели консервы. Палатки у них не было, и, чтобы не терять времени, они улеглись в своем закутке под открытым небом, полагаясь только на спальные мешки.

Прежде чем предаться сну, Скотт написал в своем походном дневнике слова, которые должны были не только пристыдить в глазах потомков самого Шеклтона, но и стать уроком для многих других путешественников: «Обнаружить нашу старую хижину в таком запущенном состоянии было очень неприятно. Мне так хотелось найти наши старые строения почти неповрежденными.

Это очень грустно, когда тебя вынуждают проводить ночь под открытым небом, зная при этом, что уничтожено все, что было создано для удобства. Я лег в очень угнетенном состоянии. Казалось бы, первое проявление человеческой культуры должно заключаться в том, чтобы, посещая такие места, люди оставляли все в расчете на помощь будущим путешественникам и на их приятное впечатление. И сознание того, что наши прямые предшественники забыли об этой простой обязанности, страшно угнетало меня».

Проснувшись утром, Скотт дал себе слово, что придет сюда, к «аварийной хижине», как впредь и решил ее именовать, с большой группой, чтобы очистить ее, подремонтировать и привести в состояние, пригодное для жилья. Возможно даже, что на какое-то время двое-трое полярников поселятся в ней, чтобы окончательно обжить и привести в надлежащий вид.

* * *

Позавтракав и накормив собак, полярники оставили нарты у хижины, а сами, став на лыжи, пошли осматривать окрестности. Впрочем, значительные участки прибрежной равнины были такими же оголенными, как и склоны ближайших гор, поэтому время от времени им приходилось нести лыжи на себе. Однако это не мешало Скотту узнавать знакомые места и мечтательно вспоминать былые дни, осматривая залив Конская Подкова, небольшой мыс Прам или прибрежную ледовую гряду, видневшуюся вдаль, на восточной оконечности мыса Эрмitedж. Того самого, на который недавно они порывались, но так и не смогли высадиться с борта «Терра Новы», чтобы создать там свою базу.

Настоящим чудом показалось капитану то, что на одном из склонов они обнаружили термометрные «трубки Феррара», которые торчали из снега так, словно их только недавно вставили туда. И наконец почти с полчаса они провели у могилы полярника Джона Винса, подправляя на ней гурий²⁰ и устанавливая повалившийся под натиском ветров бамбуковый флагшток.

– Как погиб человек, чью могилу мы сейчас?...

²⁰ Гурий – искусственное сооружение в виде островерхой груды камней.

– Это не могила, Сесил, – прервал его Скотт. – Как у всякого истинного матроса, у него нет могилы. Этот крест воздвигнут в память о нем. Правда, смерть какая-то роковая получилась: ураганным ветром матроса Винса снесло со скалы в море. Антарктида словно бы отомстила ему, моряку, за предательство.

– Считаете, что этот континент и в самом деле хранит в себе какие-то странности, тайны?

– Причем гибель Винса – не самая сокровенная. Это скорее случайность.

– Какую же из тайн следует считать наиболее сокровенной, сэр?

Скотт вдруг обратил внимание, что краска на кресте Винса оказалась на удивление свежей, словно кто-то совсем недавно наложил ее²¹. Другое дело, что надпись на дощечке следовало подправить, сделать выразительнее. Эта условная «могила» тоже была одной из тех «меток бытия», которые следовало ценить и которые каждой экспедиции нужно было поддерживать в надлежащем виде.

– Так какую же из тайн вы готовы выделить особо, господин капитан?

– Мы поговорим об этом в базовом лагере в присутствии доктора Уилсона, который был участником моей экспедиции на «Дискавери».

– С нетерпением буду ждать этого разговора.

Добравшись до «аварийной хижины», полярники впрягли собак и, погрузив на сани несколько листов асбеста, которые могли пригодиться на новом месте, отправились в обратный путь. Но еще долго они оглядывались на венчавшую возвышенность хижину, мысленно давая себе слово обязательно вернуться к ней.

²¹ Эту особенность Скотт отметил в одной из записей своего походного дневника.

11

Наконец-то «день великого переселения» настал. Осмотрев свою небольшую «капитанскую каютку», Скотт остался доволен её скромным убранством и рациональным использованием площади, но тут же приказал выложить еще одну перегородку из ящиков, которая бы отделяла офицерскую часть дома от помещения команды. И поскольку это решение устраивало тех и других, перегородка появилась мгновенно.

После этого, в промежутке между каютой капитана и кубриком команды поселились офицеры Отс, Аткинсон, Мирз, Боуэрс и Черри-Гаррард, которые тоже отгородились от центра их общего большого строения. Механик Дей и биолог Нельсон предпочли расположиться у окна, там же, где располагалась крохотная биологическая лаборатория. Рядом с ними, за тонкой дощатой перегородкой, нашли приют австралийцы-геологи Дебенхэм и Грифит-Тейлор, а также младший лейтенант запаса норвежских военно-морских сил Гран. Они тут же умудрились разделить свой угол на спальню и лабораторию. Метеоролог Симпсон и физик Райт тоже решили создать себе каюту, превратив в нее склад, предназначенный для научных приборов и инструментов. Остальные оказались в общем зале, который одновременно выступал и в роли кают-компаний.

Их строение само по себе было огромным, достигая более пятнадцати метров в длину и почти восьми метров в ширину. Однако с юга полярники во главе с Бауэрсом пристроили склад, в котором сложили запасную обувь и одежду, палатки и все прочее, что находилось в ведении каптенармуса экспедиции; с севера же была возведена конюшня, а с востока и северо-востока – лаборатории, оборудованные по проектам Нельсона и Симпсона.

Появление всех этих пристроек сразу же утеплilo основное здание, да к тому же создало много дополнительных помещений, глядя на которые Роберт не мог не вспомнить предложение Кетлин – после экспедиции здание базы разобрать и перевезти в Новую Зеландию. Ему, конечно, трудно было представить себе, как этот строительный «осьминог» смотрелся бы на одном из холмов Крастчерча, рядом с роскошной виллой Джозефа Кинсли и ей подобных, и все же напроць отвергать замысел супруги полковник флота не решался.

Однако первая же ночь, проведенная Скоттом в Экспедиционном доме, завершилась настоящей флотской тревогой. Услышав, как в заливе с грохотом разламываются льдины, Скотт вышел на берег, чтобы взглянуть, что происходит с судном, командовать которым остался штурман Гарри Пеннел. Вслед за ним поспешило еще несколько офицеров. И, как оказалось, встревоженность их была неслучайной.

Как потом выяснилось, сильный ветер сорвал судно с ледовых якорей. Поскольку пары были разведены, Пеннел какое-то время пытался задним ходом отвести барк за гору, чтобы укрыться там от ураганных порывов, но при попытке развернуться носовая часть барка уперлась в отмель. Опасность усиливалась еще и тем, что к судну начали подходить осколки морского прибрежного льда, который в отличие от материкового существовал только в течение одного сезона, от лета до лета.

Скотт бессильно наблюдал за тем, как команда переносит грузы с носа на корму, как часть команды и те полярники, которые отправились на судно вечером на китобойном баркасе, перебегают от борта к борту, пытаясь своей общей массой расшатать застрявший барк, а мотористы дают задний ход.

В такой борьбе прошло около двух часов, прежде чем с борта корабля раздались возгласы радости и стало заметно, что, медленно пятясь, «Терра Нова» уходит на глубину. Этот момент наступил тогда, когда Скотт практически потерял надежду на счастливый исход и опасался, что все еще достаточно загруженный барк начнет разрушаться под собственной тяжестью.

Затем до самого утра командир судна искал место, где бы можно было вновь пристать к ледовому причалу. При той интенсивности ледовой ломки, которая наблюдалась полярниками, вполне можно было ожидать, что со временем «Терра Нова» могла бы подступиться чуть ли не к самому Старому Дому, как начали называть в экспедиции аварийную хижину «Дискавери». Но кто мог бы сказать Скотту, сколько дней для этого понадобится? И вообще станет ли подобный заход в Бухту Старого Дома возможным?

Осмотрев окрестности, Скотт передал через старшего на баркасе, чтобы лейтенант Пеннел увел судно к Ледовому Языку. А как только барк вновь оказался на ледовом якоре, бросил туда все нарты, все собачьи и лошадиные упряжки, чтобы как можно скорее весь экспедиционный груз оказался на материке. Он не мог дальше рисковать успехом экспедиции, полагаясь на мощь «ледовых якорей». Тем более что антарктическое лето быстротечно и вскоре барку предстояло уходить к берегам Новой Зеландии.

Разгрузка судна еще продолжалась, а Скотт уже формировал две группы полярников. Одну из них, ту, которую капитан называл «осенней вспомогательной партией», возглавил он сам. Взяв под свое командование ротмистра Отса, лейтенантов: Эванса, Бауэрс, Черри-Гаррарда, Крина, Мирза, Аткинсона, младшего лейтенанта Грана, доктора Уилсона, а также матросов Форда и Кеохэйна, он принялся перебрасывать провиант в направлении полюса, создавая экспедиционные склады, а также отмечая путь на юг гуриями – невысокими сигнальными вышками, сложенными из льда и спрессованного снега. Ориентируясь по ним, а также пополняя свои запасы на складах, основная партия должна будет следующим летом идти на штурм полюса.

При этом «склад номер один» полярники заложили неподалеку от Старого Дома, перевозя туда провизию и все прочее, необходимое для похода «полюсников» прямо с судна. И уже оттуда полярники перебрасывали провизию для последующих складов. Причем для закладки их капитан приказал использовать восемь лошадей и двадцать шесть собак, отобрав при этом более слабых животных, поскольку более сильных полярники оставляли для весенних походов.

«Первый транспорт с провизией и топливом на четырнадцать недель, приблизительно 5885 фунтов, – отмечал в своем дневнике Скотт, – перевезено на склад номер один. Судно подвезло до Ледового Языка сто тридцать тюков сена, двадцать четыре ящика собачьих сухарей и десять мешков овса; собаки с санками вернулись к судну, взяли этот груз и отвезли на склад номер один, захватив при этом из Старого Дома еще пятьсот фунтов сухарей.

Сани, запряженные лошадьми, везут: две палатки, две лопаты, два лома, разные инструменты; а также овес, сухари, провизию, масло, спирт, походные печи, запасную одежду и многое другое. Собаки везут то же самое, но в меньшем количестве».

А накануне выхода этой партии на барк переправилась «западная партия», командовать которой было поручено лейтенанту Кемпбеллу, первому помощнику командира «Терра Нова». Задача у этой группы, состоявшей из геолога Пристли, врача лейтенанта Левика, а также моряков Эббота, Дикасона и Браунинга, представлялась особой. Судно должно было доставить их в Китовую бухту, откуда, после закладки основной базы, полярники обязаны были пройти вдоль Великого Ледяного барьера до земли Эдуарда VII.

Причем Кемпбелл даже предположить не мог, что очень скоро ему придется менять свои планы.

Но это будет потом, а пока что остававшиеся обитатели базы провожали эту партию с такой трогательной торжественностью, словно она уже выступала в сторону полюса.

12

– Прошу прощения, доктор Уилсон, за любопытство, – молвил Мирз, когда с обедом на стоянке второго склада было покончено и капитан объявил, что через пятнадцать минут группа уходит дальше на юг, – но мне очень хотелось бы задать вам один вопрос, связанный с экспедицией на «Дискавери». Сразу же признаюсь, что натолкнул меня на это любопытство какой-то странный намек капитана Скотта.

– Никогда не поверю, что капитан способен говорить намеками. Полковник флота всегда открыт и прямолинеен, – настаивал на своем Уилсон. – Порой излишне.

– И все же, когда мы с капитаном оказались у памятного креста моряку Винсу, тому, что погиб во время прошлой экспедиции Скотта, он почему-то так и не объяснил мне, какая история скрывается за этой «меткой бытия». Точнее, мне непонятно, на какие воспоминания она наталкивает начальника нашей экспедиции.

– Мне известна судьба бедняги Винса, лейтенант, – проворчал Уилсон, очевидно, недовольный тем, что Мирз не позволяет ему побыть наедине. – Что вас заинтересовало в этой трагической истории?

– Памятный «крест Винсу» всего лишь послужил для Скотта толчком для воспоминаний.

– В присутствии полярников капитан обычно не любит предаваться воспоминаниям о путешествии на барке «Дискавери», считая, что все, что он способен был поведать о нем, он уже поведал в своей книге. Поэтому считайте, что вам неслыханно повезло.

– Так вот, во время этих скупых воспоминаний Скотт намекнул, что в своей первой антарктической экспедиции столкнулся с чем-то таинственным, которое не поддается простому и внятному объяснению. При этом капитан пообещал, что вернется к этому разговору в вашем присутствии, сэр.

– В моем присутствии? Почему... именно в моем? Странно, – пожал плечами доктор. – И что же он имел в виду?

– Этого я не знаю. Никакого ясного намека. После прибытия на базу я дважды пытался вернуться к этой теме, однако полковник флота всячески уходил от нее. Причем не уверен, что делал это из-за нехватки времени.

Уилсон потерял интерес к склону утеса и заинтригованно взглянул на Мирза. Интуитивно старый разведчик уловил, что доктор уже понял, что именно имел в виду Скотт, но почему-то не решается говорить откровенно.

– Полковник флота, как вы его называете, находится рядом. Почему бы вам не подойти и не спросить еще раз?

– Даже если мы сделаем это вместе с вами, все равно это будет выглядеть бестактно.

– Это правда, господин Мирз, что вы связаны с разведкой?

– Да, с британской разведкой, сэр. И ни с какой другой. И хотя я предостерегаю вас от разговоров на эту тему, тем не менее напомним, что мы с вами оба – офицеры армии Его Величества.

– То есть сведениями, которыми вы сейчас интересуетесь, на самом деле интересуется наша разведка?

– Можно выразиться и по-другому. Нашу разведку будет интересовать все, что способно заинтересовать во время экспедиции меня. В этом смысле командование вполне доверяет мне, полагаясь на мой профессиональный опыт. Я основательно ответил на все интересующие вас вопросы, доктор Уилсон?

– Настолько основательно, что других вопросов, связанных с вашей прямой профессиональной деятельностью, не последует, – предельно точно уловил доктор подтекст его вопроса.

Желая отрешиться от этой темы, офицеры демонстративно помолчали. Где-то неподалеку раздался треск льда, и они увидели, как на склоне ближайшей возвышенности, буквально на их глазах, начали проявляться очертания большого разлома. Не хотелось бы им оказаться сейчас рядом с ним – зрелище представляло жутковатым.

– Известно, – первым нарушил молчание Мирз, – что, отправляясь в британско-норвежскую экспедицию, Карстен Борхгревинк²², человек, который первым познал все прелести зимовки в Антарктиде, вооружил свою команду таким количеством оружия и боеприпасов, словно отправлялся не в Антарктику, а на Англо-бурскую войну. Правда, вспоминал он потом об этом неохотно, тем не менее факт остается фактом...

– Насколько мне помнится, Борхгревинк объяснял свою воинственность сведениями о том, что Антарктида не такая уж необитаемая, как это многим кажется.

– Так, может, он действительно прав?

– Помня о вашей принадлежности к столь солидной организации, этот вопрос имел право задать я. Хотите сказать, что никакой полезной информации выудить у членов этой экспедиции разведке не удалось?

– Это вызвало большое разочарование. Все-таки речь идет о целом континенте – недоступном, неизведанном, и уже поэтому таинственном.

– После того, с чем нам пришлось столкнуться во время прошлой экспедиции, такой вариант развития событий не исключен. Хотя, замечу, что экспедиция на «Дискавери» состоялась спустя три года после зимовки здесь этого джентльмена. Поэтому руководствоваться нашими сведениями он не мог.

– Не испытывайте мое терпение, многоуважаемый доктор, – бесцеремонно взял Мирз под руку своего собеседника. Он произнес это с вежливой улыбкой, однако в его голосе прозвучала откровенная угроза. «Не хотите же вы, чтобы я получал от вас эти сведения под пытками?!» – вот что должно было послышаться Уилсону на фоне этой разведывательно-диверсионной вежливости.

– В ходе экспедиции на «Дискавери» мы открыли и под определенными названиями нанесли на карту более двухсот хребтов, отдельных гор, ледников, мысов, бухт, вулканов и всего прочего. Но там вы не найдете той таинственной, усеянной пещерами и чистыми озерцами долины, которую мы называли «Антарктическим оазисом Скотта».

– Так-так, уже проясняется... Что он представляет собой, этот ледовый оазис?

Находившийся к ним ближе всех лейтенант Бауэрс, назначенный помощником командира группы, передал приказ Скотта трогаться в путь, однако доктор и лейтенант Мирз попросту проигнорировали его.

– В том-то и дело, что он не ледовый. Как-то, преодолевая один из хребтов массива Принца Альберта, мы со Скоттом сбились с пути и прошли несколько миль по горному плато в глубь континента. Каковым же было наше удивление, когда, стоя на краю обрыва, на котором едва удерживались под порывами штормового ветра, мы увидели в полумиле от себя обширную долину, совершенно свободную ото льда и снега. Мы конечно же приблизились к этому полярному Эдему, насколько это было возможно, однако сколь-нибудь приемлемого спуска не обнаружили. Хотя он, несомненно, должен существовать.

²² Британско-норвежская экспедиция под началом Карстена Борхгревинка проходила на мысе Адэр, что на Земле Королевы Виктории, куда полярники высадились в 1899 году. Полярники действительно были прекрасно вооружены и, решаясь на зимовку, всерьез опасались, что могут подвергнуться нападению обитавших на этом материке агрессивных человекоподобных существ.

– То есть вы так и не побывали в нем? Никаких исследований в самом оазисе не проводили?

– Нет, до этого дело не дошло. Осматривая этот оазис в подзорную трубу, мы не заметили какой-либо растительности, но, судя по всему, там вполне можно выращивать, скажем, картофель. Зрелище было поразительное: пиала тепла и жизни – посреди безбрежного океана материковых льдов, толщина которых достигает порой сотни метров; океана вечной мерзлоты²³. В книге капитана Скотта и в других публикациях этот оазис только упоминается. Причем делается это вскользь, чтобы у читателей создавалось впечатление, будто речь идет об участке Антарктиды, оголяющемся в летнее время, а таких участков на побережье континента, как вы знаете, немало.

– Так, может быть, основные усилия вспомогательных партий нашей экспедиции, таких, как партии лейтенантов Кемпбелла и Эванса, следует нацеливать не на экскурсии по прибрежным ледникам, а на исследование «Оазиса Скотта»? Причем бросить туда нужно было бы всю научную группу экспедиции.

Уилсон как-то странновато оглянулся по сторонам, словно здесь их мог кто-то подслушать, и, уже направляясь к стоянке, обронил:

– Совсем недавно я пытался склонять к такому предназначению нашей экспедиции капитана Скотта. Но он то ли не понимает важности подобных исследований, то ли что-то останавливает его.

– Стремление во что бы то ни стало покорить полюс? Причем обязательно прийти первым?

– Этот «акт покорения» нужен не столько капитану Скотту, сколько самой Британии. Амбиции и лавры первооткрывателя роль свою, естественно, сыграли, но все же в данном случае интересы империи – превыше всего.

– Но вы дали понять, что существует еще нечто такое, что способно останавливать Скотта на пути к покорению оазиса. Что, по-вашему, это может быть? – вкрадчиво поинтересовался разведчик, хотя и понимал, что сам доктор Уилсон считает разговор законченным.

– Например, нежелание преждевременно раскрывать местонахождение и возможности этого антарктического оазиса. Ведь он доступнее полюса, а значит, сами понимаете... Тем более что правовой и административный статус Антарктиды международными организациями пока что не определен.

– Согласен: статус этого континента пока что не определен, – задумчиво согласился Мирз. – Что же касается «Оазиса Скотта»... Вы назвали серьезные аргументы.

– Достаточно серьезные для того, чтобы вспомнить, что пора трогаться в путь, – признал доктор.

Бесконечная снежная пустыня притупляла бдительность и доводила людей до нервного иступления. Усталость, мороз, обжигающий ветер и снежная слепота сплетались в единый клубок ощущений, вызывая тупую боль в голове и особенно в глазах, и порождая самоубийственное безразличие ко всему, что окружало полярного странника, что он делал и к чему ранее стремился. Неудивительно, что, когда средние пары лаек из упряжки Скотта вдруг стали одна за другой проваливаться куда-то под лед, словно в бездну, в течение нескольких минут полярники очумело наблюдали за этим гибельным процессом. Они

²³ Такой же оазис был обнаружен и исследован германскими гидросамолетами в 1939 году, во время экспедиции Третьего рейха. Высшее германское руководство назвало территорию в районе нынешней Земли Королевы Мод (название «Земля Королевы Мод» появилось лишь в 1957 году) Новой Швабией. Решением Гитлера Новая Швабия была объявлена административной частью Третьего рейха. Именно на этой территории фюрер решил заложить основы сотворения Четвертого рейха, в котором предполагалось взрастить новую расу арийцев и продолжить научные исследования по освоению Высших Сил Земли и Космоса. Напомню, что данной теме посвящены мои романы: «Антарктида: Четвертый рейх», «Субмарины уходят в вечность» и «Секретный рейд адмирала Брэда».

видели, что каждая ездовая пара старалась зацепиться когтями за ледовые края трещины, чтобы устоять, как это удалось сделать самому сильному из псов, жожаку Осману, но как им помочь, не знали.

Сам Осман успел проскочить снежный мост, скрывавший трещину от глаз и животных и полярников, и теперь изо всех сил пытался устоять на месте, чтобы не уйти в провал вслед за остальными собратами. Своим мужеством и упорством он словно бы призывал людей опомниться, напрячь свои умственные и физические усилия.

Осознав, что только чудо спасло их от падения в трещину вместе с санками, полярники бурно суетились, пытаясь вытащить собак, спасти от падения сани и ослабить постромки, в которых задохнулся Осман. Первым сознание прояснилось у Скотта. Он приказал быстро сбрасывать все с санок и приготовить запасную альпинистскую веревку. Срезав ремни с одного из спальных мешков, капитан с помощью Мирза подвел их под туго натянутую веревку, приподнял и, освободив таким образом Османа, сумел разрезать на нем хомут. Затем, прикрепив альпинистскую веревку к главному постромку, полярникам удалось вытащить и освободить одного пса, но при этом веревка так глубоко врезалась в ледовый склон, что тащить ее дальше люди уже были не в состоянии. Тогда Мирз предложил перебросить освобожденные сани через трещину, чтобы проводить дальнейшую спасательную операцию, находясь по обе стороны трещины.

Обвязав себя страховочной веревкой, Мирз спустился почти на два фута ниже и, находясь на одной из полок, прикрепил альпинистскую веревку к главному постромку. Только после этого спасение пошло активнее.

Но когда уже Мирз поднялся наверх, оказалось, что они спасли только одиннадцать собак из тринадцати. Выяснилось, что паре собак удалось вырваться из хомутов, но при этом они оказались значительно ниже остальных животных и сидели теперь на узеньком карнизике, тесно прижимаясь друг к другу.

Логика подсказывала, что их следовало обречь на гибель, к этому полярные странники и склонялись, однако Скотт решительно обвязал себя веревкой и потребовал спустить его к животным. Все попытки Уилсона и Бауэрс отговорить командира от этой опасной авантюры, при которой следовало спускаться почти на семьдесят футов вниз, ни к чему не привели. Там он снял с себя веревку, и одну за другой собак поднимали наверх. Однако спасенные животные неосторожно подошли к соседней упряжке, и там началась такая ожесточенная грызня, что, увлекшись усмирением собак, полярники на какое-то время совершенно забыли о командире, который ждал своей очереди на узенькой полочке, нависавшей на краю настоящей бездны.

— Согласен, джентльмены: это были не самые приятные минуты в моей жизни, — признался потом капитан, когда с помощью товарищей выбрался из ледовой западни. — Но каждый из нас должен запомнить все детали этой операции, чтобы в будущем действовать более осознанно и профессионально.

13

Бесстрашно врезаясь в плавучие ледовые острова, барк выходил из бухты Мак-Мёрдо, чтобы взять курс на Землю Эдуарда VII. Уже за скальными отрогами мыса лейтенант Пеннел приказал спустить на воду китобойный баркас, чтобы высадить на берег группу полярников, в которую вошли два австралийских геолога – Гриффит-Тейлор и Дебенхэм, а также физик Райт и унтер-офицер Эдгар Эванс. В течение нескольких дней эта группа должна была исследовать подступающий к заливу горный массив, который пока что именовался «Западными горами».

Проводив полярных странников прощальными гудками, судно вырвалось на открытую воду и взяло курс на северо-восток. Но с борта «Терра Новы» еще долго видели, как по склону прибрежного ледника уходили в неизвестность четверо впряженных в санки людей, которые отсюда, с «плавучего осколка цивилизации», – как, прощаясь с командой, назвал судно Райт, – они казались брошенными на произвол судьбы и обреченными.

– Трогательное прощание, не правда ли? – остановился возле Кемпбелла командир судна Гарри Пеннел.

– Любой человек, которого мы способны увидеть посреди этого ледового безумия, будет воспринят как апостол мученичества, – холодно ответил лейтенант. – Хотя знаю, что Гриффит-Тейлор и Дебенхэм воспринимают эту свою небольшую экспедицию в полярные горы как подарок судьбы. Кому еще из коллег-геологов выпадет такая уникальная возможность – исследовать неизвестные горы посреди неизвестного континента? Так позволительно ли упускать такой случай?

Высокого роста, крепко сбитый и ладно скроенный, Виктор Кемпбелл самым присутствием своим способен был внушать спокойствие и уверенность. Еще недавно он исполнял обязанности первого помощника командира «Терра Новы», и штурману Пеннелу не раз приходилось наблюдать, с каким стоическим спокойствием этот лейтенант воспринимал удары стихии, как уверенно и профессионально руководил палубной командой. Когда этот могучий человек с резкими, словно бы грубо вытесанными неумелым резцом чертами лица, появлялся на палубе, даже самые отчаявшиеся способны были обрести надежду.

– Геологов можно понять. А что вы, моряк, ищете в этих ледяных пустынях? – Пеннел искренне считал, что, по справедливости, судном должен был командовать сейчас не он, а Кемпбелл, и не понимал, почему тот вдруг оказался в береговой команде Скотта.

– Того же, чего искали тысячи других моряков во все века и во всех частях света, – невозмутимо ответил Кемпбелл, – новых морей, новых земель, новых приключений. Заметьте, что всего этого в Антарктиде хватает, как-никак последний неисследованный континент.

Пеннел поднес к глазам бинокль и, в последний раз взглянув на уходившую по ледовому перевалу группу полярников, невольно передернул плечами: не хотелось бы ему оказаться сейчас в числе этих полярных бродяг.

– Не возникало мысли отказаться от антарктического эксперимента Скотта и прямо сейчас отправиться на судне в Новую Зеландию? – поинтересовался командир барка, не отрываясь от бинокля.

– Те, кому через несколько дней предстоит уйти из Антарктики, так по-настоящему и не познав ее, воспринимаются мной как изгнанники судьбы.

– Это мы, уходящие из этого вселенского ледового безумия, – изгнанники судьбы? – смеясь, покачал головой Пеннел. – Неубедительно вы как-то говорите, Кемпбелл, неубедительно.

– Вы – команда экспедиционного судна, и это объясняет ваше поведение. Я же говорю о тех, кто зачислен капитаном Скоттом в береговую партию экспедиции. Если так, чисто по-человечески, то мне хотелось бы оказаться сейчас в каком-нибудь отеле на новозеландском берегу Тасманового моря или на южноафриканском берегу Индийского океана. Но уверен: если бы кто-либо из офицеров решился на такое дезертирство из Антарктиды, через несколько месяцев он покончил бы жизнь самоубийством²⁴. Ибо простить себе такое невозможно.

Пеннел угрюмо помолчал, как бы пристыживая самого себя за слабость, и сказал:

– Человеческое сознание остается таким же неизученным, как и этот ледовый континент. По себе знаю: на море тоскуешь по берегу, а на берегу – по морю, все никак не можешь определиться.

Все три попытки приблизиться к берегу Земли Короля Эдуарда VII ни к чему не привели: несколько миль плавучего ледяного поля не позволяли команде судна подойти к берегу, чтобы высадить группу лейтенанта Кемпбелла, их груз и лошадей. Когда провал этого плана стал очевидным, командир судна Пеннел сказал:

– Разумнее всего, лейтенант, будет поступить так: мы вернемся к мысу Эванс, и ваша группа перезимует на экспедиционной базе вместе с основной группой капитана Скотта.

– Там будут зимовать те, кто весной должен пойти к полюсу, – задумчиво поморщился Кемпбелл, давая понять, что и сам понимает: это было бы разумно, – а также люди из вспомогательных групп, которые продолжают закладку складов.

– Если вы, лейтенант, вернетесь в экспедиционный лагерь, у вас появится реальная возможность принять участие в штурме полюса. Пусть даже, для начала, во вспомогательной партии; да, во вспомогательной, а там – все может быть. Вдруг Скотту понадобится кого-то из своих спутников заменить?

Пока офицеры решали, как им поступить, судно медленно выходило из усеянного плавучими льдинами залива на чистую воду и, казалось, не подчиняясь воле команды, намерено было уйти в Индийский океан, в сторону берегов Новой Зеландии.

– Моя группа получила приказ заняться исследованием одного из участков Антарктиды, – упорствовал Кемпбелл. – Это было предусмотрено давно, еще во время составления общего плана антарктической экспедиции. А значит, у нас должна быть проведена своя автономная зимовка, со своими особыми исследованиями.

Пеннел мрачновато ухмыльнулся.

– Но ведь приказ капитана выполнить невозможно, только что вы сами в этом убедились. Я могу вернуться на десяток миль назад и высадить вас на произвол судьбы, чтобы вы могли добраться до мыса Эванса по суше. Понимаю, что путь неблизкий. Зато по пути вы будете производить замеры, наблюдения, вести описание береговой линии. Ознакомившись с вашими материалами, Скотт поймет, что ему не в чем упрекнуть вас. Словом, решайтесь, лейтенант; в противном случае вам придется уйти от «этой мертвой земли мертвых» вместе с нами и вернуться только следующим летом, но уже в роли экскурсанта.

– Трогательная перспектива, – так же мрачно улыбнулся Кемпбелл, восприняв предположение командира «Терра Новы» как шутку. – Но решение будет таким: вы высаживаете меня на леднике Росса, а там уж я определяюсь с местом зимовки.

– Топлива у меня, конечно, в обрез, – старательно набивал табак своей трубкой лейтенант Пеннел, – но не могу же я высадить вас на первом попавшемся айсберге!

– Хотя чувствую, что мысль такая у вас уже возникала.

²⁴ Произнося эти слова, лейтенант Кемпбелл не мог знать, что отчисленный в это же время из экспедиции Руала Амундсена за ссору с руководителем опытный полярник Ялмар через год, уже у себя дома, покончит жизнь самоубийством.

Командир «Терра Новы» великодушно взглянул на будущего аборигена Антарктиды, снисходительно улыбнулся, но все-таки промолчал.

* * *

Последующие несколько дней Кемпбелл проводил то в отведенной ему каюте, где он попросту отсыпался, то в кают-компании, где вместе с членами своего отряда обсуждал план предстоящих исследований и антарктической зимовки. В вещевом мешке лейтенанта было несколько брошюр с описаниями полярных путешествий и зимовок, и теперь он зачитывал некоторые выдержки из этих мемуаров, справедливо полагая, что в них таится бесценный опыт предшественников.

Когда состав «Западной партии Кемпбелла», как именовал ее в своих отчетах Скотт, был окончательно определен, капитан дал Виктору возможность ознакомиться с «Кратким отчетом об экспедиции бельгийского лейтенанта Адриена де Жерлаша, командира судна „Бельжика“». Это был небольшой, отпечатанный на машинке отчет, составленный, как понял лейтенант, кем-то из служащих Адмиралтейства, кто имел под рукой не только записки самого путешественника, но и множество сообщений в прессе.

Здесь же содержались комментарии к запискам бельгийца, составленные патриархом полярных исследований Нансеном, упорно доказывавшим, что Антарктида – никакой не континент, а всего лишь обледеленый архипелаг высоких вулканических островов, а также предположения некоторых других исследователей.

Возможно, теперь лейтенант не придавал бы значения экспедиции бельгийского лейтенанта, если бы не одна существенная деталь: старшим помощником капитана этого, зафрахтованного у норвежцев крепкого китобойного судна был тогда еще молодой норвежский путешественник... Руал Амундсен! Что сразу же определяло особый интерес к приключениям полярных бродяг с «Бельжики».

Из самого же отчета явственно следовало, что бельгийский аристократ-авантюрист де Жерлаш был крайне стеснен в средствах, поскольку сумел собрать для нужд своей команды всего лишь двенадцать тысяч фунтов стерлингов, сумму совершенно мизерную, на которую кто-либо иной вряд ли решился бы снаряжать столь долгую и трудную экспедицию. Зато план его был до первобытности прост: добравшись в ледовом дрейфе до материка, высадить на него небольшой отряд зимовщиков, а судно до весны вернуть к теплым берегам Аргентины.

Вот только у судьбы оказались совершенно иные виды на этих полярных авантюристов. Отправившись в Антарктику с недалекой Южной Америки, судно еще на дальних подступах к Антарктиде оказалось в ледовом плену, и находившиеся на его борту полярные странники вынуждены были провести на нем более года, преодолев при этом порядка двух тысяч миль. Результат похода к «овеваемой вечными ветрами земле», на которой, – как уведомлял мир другой исследователь, капитан судна «Соузерн Кросс» Борхгревинк, – «не ходит, не ползает и не летает ничто живое», оказался весьма поучительным.

До материка бельгиец так и не добрался, зимовщиков тоже высадить не сумел. И вообще можно было считать чудом, что сама команда «Бельжики», не имевшая в достаточном количестве решительно ничего: ни продовольствия, ни антарктической экипировки, ни горючего для освещения судна, ни полярного опыта, во время всей этой темной полярной зимовки не погибла. Хотя, по всем канонам, должна была бы – если не от «ледового сжатия океана», то от холода, голода и цинги.

Кемпбелл не раз уверял себя: полярникам из «Бельжики» несказанно повезло, что во время этого безумного дрейфа лишились разума всего лишь два члена команды, а не все во главе с лейтенантом де Жерлашем. Кстати, оказалось, что все эти парни только потому

и выжили, что на борту судна находилось несколько норвежцев, имевших опыт охоты во льдах на тюленей и белых медведей. Косолапых в Антарктике не оказалось, зато попадались колонии любопытных, медлительных, не ведавших страха пингвинов, этих ходячих мясных туш.

Вспомнив сейчас об одиссее бельгийского лейтенанта, Кемпбелл сказал себе: «Нужно иметь большое мужество, чтобы, пережив это ледовое безумие, решиться еще на один поход в сторону Антарктиды или Северного полюса! Но ведь Амундсен решился! Вот почему для тебя, лейтенант Кемпбелл, этот поход должен послужить уроком не только географии, но и мужества. Как, впрочем, и опыт экспедиции Борхгревинка, отчет о которой даже сам Скотт штудировал в свое время с пылкостью юного мореплавателя».

Ведомое этим капитаном судно «Саузерн Кросс» не только сумело пробиться к ледовому матерiku, но и впервые в истории человечества высадило отряд зимовщиков. Понятно, что зимовка в небольшой деревянной хижине на мысе Адэр тоже оказалась для полярников мучительно трудной, тем не менее весной у начальника англо-норвежской экспедиции Борхгревинка хватило силы воли продолжить наступление на Антарктиду, следуя по маршруту, проложенному исследователем Россом более чем за полстолетия до него.

Другое дело что после того, как Борхгревинку не удалось преодолеть горно-ледовый барьер, отделявший мыс Адэр от остальной части Антарктиды, всех своих последователей он уверял: «Великая ледяная стена, высота которой местами достигает ста футов, несомненно, существует, но основная трудность, препятствующая исследованию внутренних районов Антарктического материка, состоит в огромной высоте и крутизне склонов внутриматериковых возвышенностей. Не думаю, чтобы какой-либо экспедиции удалось достигнуть Южного магнитного полюса. Полагаю, что он расположен на обширном материке, представляющем собой скопление скал, льдов и вулканов, где нет ни деревьев, ни цветов, ни животных, ни птиц – вообще никаких признаков жизни, кроме некоторых лишайников и мхов».

...Во время одного из таких собраний группы Кемпбелла в кают-компанию «Терра Новы» влетел вестовой матрос и прокричал:

– Приказано сообщить, сэр, что мы – на подходе к бухте Китовой! Командир судна просит вас срочно подняться на мостик! Нужно посоветоваться!

– Не пойму только, что же лично вас, матрос, так взволновало в этом сообщении? – не скрывая иронии, поинтересовался лейтенант.

– Так точно, взволновало! Из-за мыса просматривается грот-мачта какого-то судна, сэр!

– Судна?! – почти хором прокричали полярники.

– Какого еще судна, матрос? – жестко поинтересовался Виктор Кемпбелл.

– Лейтенант Пеннел полагает, что норвежского.

На несколько секунд в кают-компании воцарилось тягостное молчание. Каждый из полярников допускал появление в этих краях какого угодно судна, только не норвежского, которое могло появиться в водах Антарктики разве что под командой Амундсена.

– И правильно полагает, – поиграл желваками Кемпбелл, поспешно надевая подшитую волчьим мехом куртку. – Никакого иного судна быть здесь в это время просто не может. Это ведь бухта Антарктиды, а не Ливерпуля.

14

Операция по закладке складов еще только начиналась, а Скотт уже стал замечать, как постепенно выходят из строя и тягловые животные, и люди, хотя любая потеря угрожала срывом всей подготовительной экспедиции. Первым с докладом подошел унтер-офицер, ирландец Кеохэйн. Его конь растянул сухожилие, и поскольку освободить это животное от нагрузки невозможно, а пристреливать жалко – вдруг оно еще вернется в строй, – придется сбавлять темп движения. Затем лейтенант Бауэрс доложил, что его конь окончательно ослаб на передние ноги, и теперь уже встал вопрос: как долго он продержится? И стоит ли тратить на него фураж? Пока что этого коня пришлось привязать сзади к санкам, чтобы как-то довести до Старого Дома, а оттуда, возможно, до базы.

Но еще большее беспокойство вызывало состояние лейтенанта Аткинсона. Почти целый день он пролежал в палатке второго лагеря с распухшей пяткой, и теперь уже ясно было, что без вскрытия нарыва, образовавшегося на месте прорванной мозоли, не обойтись. Но проблема в том, что самому корабельному врачу Аткинсону полноценно сделать на себе эту операцию – да к тому же, на морозе, в полевых условиях – вряд ли удастся.

Чтобы лишний раз не рисковать, Скотт запретил ему браться за скальпель, пока не прибудет доктор Уилсон, отправившийся с группой за очередной порцией груза в первый лагерь. Однако же зря терять время тоже было непозволительно, поэтому, уложив Аткинсона на санки, группа отправилась к месту закладки «Безопасного» лагеря, в котором должен был размещаться очередной продовольственный склад.

Уже приблизившись к ледяному барьеру, полярники вдруг заметили чуть в сторонке от маршрута какой-то темный предмет. Скотт сам направился к нему и, к своему изумлению, обнаружил две полузасыпанные снегом палатки. Даже на обитаемом континенте такая находка показалась бы невероятной, а тут вдруг посреди «ледового безумия»... Одна палатка оставалась целой, вторая оказалась полуповаленной, но самое удивительное, что между ними безмятежно спал одинокий, впавший в линьку императорский пингвин. Почему он оказался здесь, вдали от мест кормежки и от своей стаи, – оставалось загадкой.

– Следует полагать, что перед нами лагерь, оставленный Шеклтоном? – приблизился к капитану Бауэрс.

– Кто еще с такой небрежностью и расточительностью мог относиться к своим лагерям и к имуществу? Достаточно вспомнить, в каком состоянии он оставил после своего визита мою хижину на мысе Хат-Пойнт.

– Хотя, с другой стороны, для кого-то из попавших в беду исследователей этот памятник полярной небрежности может оказаться спасительным. Уверен, что кроме пристанища он сможет найти здесь еще и запас продовольствия.

– Не исключено, не исключено, – проворчал капитан, давая понять, что при любом истолковании этого поступка Шеклтона свойственное ему разгильдяйство оправдания не имеет.

– Попытаемся пробиться внутрь палаток?

– Не сейчас, не будем терять времени.

– Вдруг там обнаружится нечто, представляющее общий интерес...

– Не обнаружится, Бауэрс, – мягко осадил его начальник экспедиции. – Увы, не обнаружится. К тому же нам еще предстоит пройти через ледяную гряду, чтобы разбить свой собственный лагерь, а значит, нужно торопиться, пока не испортилась погода. На гряде постоянно гуляют ветры.

– И потом, не можем же мы нарушать покой «его императорского величества», – неохотно согласился с ним Бауэрс, кивнув в сторону пингуина, который так и не сдвинулся с места, разве что гортанно пророкотал что-то на своем императорско-птичьем языке.

Они ушли в сторону гряды, решив, что направят сюда группу после того, как обоснуются в лагере «Безопасном». Они явно торопились: по их подсчетам, уже двадцать третьего апреля на этой широте должна наступить полярная ночь – с ее теменью, штормовыми ветрами и морозами. И тогда всякие рейды придется прекратить, переживая многомесячную ночь в базовом лагере, на томительной полярной зимовке, вплоть до появления солнца, увидеть которое странники смогут не раньше середины сентября.

Тем временем склад, который они решили заложить за ледовым барьером, должен был стать перевалочным. Большая часть груза, которую вспомогательным партиям в течение нескольких челночных рейсов удастся забросить в «Безопасный», затем будет транспортироваться все дальше и дальше, пока не будет заложен последний из экспедиционных складов, из которых станет пополнять запасы штурмовая группа капитана Скотта, идущая к полюсу.

Заложить этот лагерь они решили по ту сторону гряды, на небольшой возвышенности, с трех сторон прикрытых заледенелыми холмами. В нем полярные странники действительно чувствовали себя защищенными от ураганных ветров и снежных буранов, причем устроен он был на такой местности, пройти мимо которой, не заметив склада, практически невозможно.

Как только были установлены все три палатки, капитан приказал матросам сооружать ледовый грот, в котором должен располагаться склад экспедиции, а сам с зоологом Черри-Гаррардом осмотрел ногу доктора Аткинсона. Вид у нее был ужасный. Высокий консилиум, возглавляемый самим доктором, пришел к выводу, что дальше тянуть нельзя. Если этот гнойный нарыв не ликвидировать, во время последующего перехода он наверняка прорвется сам, и тогда может произойти заражение крови. В лучшем случае Аткинсон окажется надолго «прикованным» к своему спальному мешку, а болеть посреди ледового безумия Антарктиды – роскошь непозволительная.

Поскольку при одном виде крови Скотту до сих пор становилось дурно – старая, затянувшаяся неприязнь детства, – то он с радостью поручил обязанности эскулапа молодому лейтенанту Черри-Гаррарду, консультантом у которого выступал сам доктор. Когда, спустя полтора часа, капитан вернулся с разведывательного лыжного похода по окрестностям, нарыв уже был ликвидирован, рана промыта кипяченой водой и спиртом, а сам доктор с перевязанной ногой упакован в спальный мешок. Понятно, что на несколько дней он, по существу, выбывал из строя, зато теперь можно было надеяться, что вскоре их доктор пойдет на поправку.

– Никогда не думал, что первым своим пациентом в этой экспедиции окажусь я сам, – сокрушенно произнес Аткинсон, завидев капитана, – и что потери отряда тоже начнутся с меня. Недостойно все это. Звания медика недостойно...

– Будем надеяться, что на этом наши «потери» завершатся, – сухо вато успокоил его Скотт. – Но отныне каждый вечер вы должны проводить опрос и осмотр всех полярников, чтобы не доводить любую царапину до нарыва. Считайте это моим приказом, доктор Аткинсон.

– Именно так я и воспринял ваши слова, сэр. И еще... Не хотелось бы, чтобы эта ничтожная операция на пятке помешала мне войти в состав вашей штурмовой группы.

– «Штурмовой группы», доктор? Прекрасно сказано, по-военному. Группа, которую мне придется уводить в сторону полюса, в самом деле будет штурмовой.

– Но вы не ответили на мой вопрос, – скептически выслушивал его Аткинсон, понимая, что капитан попросту тянет время.

– Не терзайте себя сомнениями, док. Я пока что и сам не знаю, кто войдет в эту нашу «штурмовую группу». Окончательный состав, очевидно, сформируется только весной, в зависимости от физического состояния каждого из претендентов.

– Благоразумно, – признал доктор.

– Не исключено, что вы будете назначены руководителем базового отряда, который останется на мысе Эванса, – тут же подсек капитан появившуюся было у доктора надежду.

Прооперировав пятку доктора, лейтенант Черри-Гаррард тут же вызвался пойти вместе с Бауэрсом и тремя матросами к обнаруженным во льдах палаткам. Поисковая группа вновь набрела на лагерь, оставленный командой шеклтонского судна «Нимрод», и полярники принялись откапывать обе палатки. Одна из них, полузаваленная, оказалась забитой осколками льда, и парусина ее полусгнила. В другой же, неплохо сохранившейся, образовался лишь небольшой внутренний сугроб у задернутого входа, который и защищал брошенное пристанище полярных скитальцев от бесконечных антарктических метелей.

Осмотрев содержимое палаток, полярники обнаружили походную металлическую печь, несколько ящиков с углем, канистры с керосином, множество ящиков с провиантом и запасной экипировкой, целый склад всевозможных инструментов и даже разбросанные консервные банки и пакеты с прочими продуктами. Причем значительная часть этих припасов хранилась в ледовом складе, наспех созданном между палатками.

– И как вы все это можете объяснить, лейтенант Черри-Гаррард? – спросил Бауэрс, когда последний ящик с провиантом был извлечен из-под снега и ледовой корки и тщательно осмотрен.

– Создается впечатление, что обитавшие здесь люди покидали свой лагерь с такой поспешностью, словно уходили от какой-то страшной угрозы.

– Предположение верное. Но сразу же возникают вопросы: от какой угрозы они уходили, если палатки их стоят до сих пор? И где искали спасения – в глубинах ледовой пустыни?

– Если же предположить, что моряки с «Нимрода» создавали здесь один из экспедиционных лагерей, – продолжил его мысль Черри-Гаррард, – то почему оставили его в таком беспорядке, словно их подняли ночью по тревоге?

Так и не придя к единому мнению по поводу того, что способно было вынудить людей оставить здесь палатки с таким большим запасом продовольствия, топлива и всевозможных вещей, полярники внимательно осмотрели окрестности стоянки. Теперь их интересовало только одно: не обнаружится ли поблизости могила или просто оставленное на снегу тело кого-то из покорителей Антарктики. Однако поиски их были безуспешными.

Выслушав доклад Бауэрса, полковник флота лишь снисходительно улыбнулся:

– Даже если бы там не было ящиков с надписью «Нимрод», можно было бы не сомневаться, что в таком виде свою стоянку мог оставить только Шеклтон.

– Если последует ваш приказ, мы возьмем завтра лошадиную и две собачьи упряжки и перебросим все содержимое шеклтонского склада сюда.

– Следует ли прибегать к полному разорению чужого склада, джентльмены? – мгновенно отреагировал ротмистр Отс. – Имеем ли мы на это право?

– Этот склад как раз и оставлен Шеклтоном для тех, кто пройдет его маршрутом несколько лет спустя, – объяснил свою позицию Бауэрс. – Почему весь этот провиант должен бессмысленно погибать во льдах?

– Но ведь до сих пор он не погиб. И потом, почему мы решили, что Шеклтон создавал свой склад именно для нас? Предлагаю взять из его запасов лишь незначительную часть продовольствия, которое пополнит склад «Безопасного» лагеря, а все оставшееся в лагере Шеклтона считать аварийным запасом. Отмеченная на антарктических картах Адмиралтей-

ства эта стоянка станет запасным лагерем для тех, кто, дойдя до здешних мест, действительно окажется в смертельной опасности.

– Ротмистр Отс прав, – признал Скотт. – Привезите сюда, лейтенант Бауэрс, часть провизии на собачьей упряжке; палатки и склад приведите в порядок и окружите этот аварийный лагерь снежным валом. Для надежности водрузите бамбуковый шест, чтобы стоянка была видна издалека. Координаты ее нанесите на карту. Что именно следует взять со склада Шеклтона, это вы, Бауэрс, определите сами как капитанармус экспедиции.

– Я отнесусь к этому отбору с должным вниманием и тактом, сэр.

Но прежде чем группа лейтенанта отправилась к лагерю команды «Нимрода», капитан Скотт решил созвать «военный совет», чтобы определиться с ближайшими планами действий на полюсном маршруте. «Я изложил свой план дальнейшего продвижения, – отмечал в своем дневнике Скотт. – Он предполагал: взять с собой на пять недель провиант для людей и животных; после двенадцати-тринадцати дней создать склад из двухнедельного запаса провизии и вернуться сюда (в лагерь „Безопасный“). Грузы должны составлять по 600 фунтов с чем-то на каждого коня и по семьсот – на каждую собачью упряжку. Для лошадей это не много, если поверхность окажется хорошей и они смогут идти свободно; а вот собакам, очевидно, придется облегчить грузы».

А днем спустя, во вторник, тридцать первого января, Скотт записал: «У нас все готово. Но сегодня мы провели испытание с конем Уилли: надели ему конские лыжи. Результат оказался чудесным: конь начал прохаживаться вокруг нас, ступая, словно по твердой земле, в тех местах, на которых без лыж беспомощно барахтался. Отс никогда не верил в эти конские лыжи, да и я считал, что даже самому смирному коню нужно будет с ними попрактиковаться.

Сразу же после этой удачной попытки с лыжами я решил, что нужно постараться привезти еще несколько лыж, и уже через полчаса Мирз и Уилсон были в пути к стоянке, расположенной от нас за двадцать с чем-то миль. Может, на наше счастье, лед еще не тронулся, но боюсь, что надежды мало. В то же время думается, что с этими лыжами можно было бы удвоить расстояние дневных переходов».

Прервав свои записи, Скотт вместе с доктором Уилсоном осмотрел ногу Аткинсона. Выглядела она все еще угрожающе, наверняка понадобятся еще три-четыре дня, чтобы доктор смог чувствовать себя уверенно. А главное, ему нужен был покой. Чтобы не связывать себе руки, Скотт решил оставить Аткинсона в палатке, под опекой матроса Крина. Но прежде чем выйти на маршрут, он отправил лучшего лыжника экспедиции норвежца Трюгве Грана с почтой на мыс Хат-Пойнт, к Старому Дому. Он вернулся лишь через четыре часа; к тому времени метель уже была такая, что «почтальон чуть было не прошел мимо стоянки, причем никаких особых новостей не привез: жизнь в Старом Доме, как и в базовом лагере, шла своим чередом.»

Поскольку оставить стоянку решено было утром, в надежде на то, что к тому времени метель уляжется, капитан Скотт принялся анализировать снабжение своей экспедиции. Он вообще считал, что в ряду других научных изысканий большое значение приобретает умение полярников правильно рассчитать груз своей санной экспедиции, калорийность ее питания и экипировку.

«Чем больше, – излагал он свои соображения на страницах дневника, – я размышляю над оборудованием нашей санной экспедиции, тем больше убеждаюсь, что мы недалеки от идеала возможного в данных условиях для цивилизованного человека. Хотя определить грань, отделяющую необходимость от роскоши, довольно трудно. Можно было бы уменьшить вес груза во вред выгоде, но все, что удалось бы при этом сэкономить, составляло бы мизерную часть груза.

Если предположить, что доведенная до крайности борьба за существование заставила бы нас выбросить все предельно необходимое, то после этого мы сохранили бы в течение

этого трехнедельного путешествия: топлива для кухни – сто фунтов; кухонного оборудования – сорок пять; одежды, вещей личного пользования – сто фунтов или что-то около этого; палаток – тридцать, инструментов и всего прочего – сто фунтов. То есть половину груза одних только саней, а их десять, или около одной двадцатой части всего нашего багажа. Если эта часть груза составляет все, что при некоторых обстоятельствах можно отнести к рубрике „предметы роскоши“, то из этого вытекает, что уступка, сделанная комфорту, даже не стоит разговора. Такой жертвой мы никак не увеличили бы количество пройденных нами миль.

После этого кто-то может решить, что нами взято много провизии: порция – тридцать две унции в день на человека. Я хорошо помню, как мы изголодались в 1903 году, просидев четыре или пять недель на двадцати шести унциях, и абсолютно уверен, что за это время мы потеряли много жизненных сил. Допустим, что четыре унции в день еще можно было бы сэкономить; на всех нас вышло бы три фунта в день или шестьдесят три фунта за три недели, то есть одна сотая частицы нашего настоящего груза. И от такой незначительной разницы зависит хорошее физическое состояние людей, пока при них есть животные, потребности которых соответственно значительно больше, нежели потребности людей...»

Завершив свои провиантские изыскания, Скотт прочел их каптенармусу экспедиции Бауэрсу. Тот с минуту молчал, думая о чем-то своем, затем, словно бы опомнившись, встретился:

– Да-да, вы правы, господин капитан. Все последующие экспедиции будут признательны нам. А ваши снабженческие выкладки станут воспринимать как наставление человека, не единожды лично прошедшего через все это ледовое безумие.

15

Когда Кемпбелл поднялся на верхнюю палубу, там уже собралась почти вся команда. Вскинув бинокль, лейтенант увидел на флагштоке мачты норвежский флаг и разразился такой бранью, каковой позавидовал бы шкипер любой китобойной шхуны. В этой «мертвой стране мертвых» лейтенант способен был искренне обрадоваться любому суденышку, под любым другим флагом, но, черт возьми, только не этому!

– Вам не кажется, что мы слегка припозднились со своим визитом, лейтенант? – флегматично спросил Пеннел. Только что по корабельному переговорному устройству он отдал команду сбавить ход и двигаться, имея Норвежца на траверзе правого борта, и теперь ждал реакции Кемпбелла.

– Если учесть, что на берегу уже стоят две палатки, то припозднились мы основательно.

– Не исключено, что где-то неподалеку уже разбит базовый лагерь Амундсена.

– Или же люди Норвежца трудятся над ним. Причем обратите внимание, сколь удачно выбраны места – и для стоянки судна, и для лагеря.

С минуту они молчаливо наблюдали за все больше открывающимся кораблем норвежцев. Напряжение, царившее в это время на палубе, могло бы сравниться с напряжением команды, капитан которой принял решение взять корабль противника на abordаж.

– И все же!.. Кто бы мог предположить, что Амундсен уже здесь?! Представляю себе состояние Скотта, когда вы доложите ему об этой экспедиции Норвежца.

– Насколько мне помнится, – с какой-то задумчивой напыщенностью проговорил командир барка, – Норвежец по-джентльменски предупредил нашего капитана, что «Фрам» идет к Антарктиде?

– С того момента, когда этот бродячий викинг решил навязать нам антарктическую гонку к Южному полюсу, понятие «джентльмен» к нему уже не относится, – рассудил Кемпбелл.

– А вот Амундсен почему-то считает, что Южный полюс принадлежит всем, а значит, никому конкретно. Как, впрочем, и Северный. Как прикажете воспринимать подобный подход, который уже давно признан международным?

– Все это уже праздное философствование, – поморщился Кемпбелл, – а надо бы каким-то образом сообщить Скотту о появлении соперника. Жаль, что не существует способа сейчас же связаться с капитаном Скоттом.

– Для начала следует разведать планы Норвежца. Вдруг обнаружится, что полюс в эти планы не входит?

– «Если полюс не входит в его планы», то это не об Амундсене, – покачал головой Кемпбелл. – Он не из тех людей, кто способен спокойно наблюдать, как буквально у него под носом добывают «приз века», причем добывают вместе со всемирной славой.

Появление в бухте судна капитана Скотта тоже привело норвежцев в состояние легкого шока. На палубе «Фрама» собрались почти все, кто находился на корабле, однако командир его, Торвальд Нильсен, поначалу отнесся к прибытию англичан с холодной сдержанностью. Единственным проявлением внимания стал спуск шлюпки с вестовым, который после высадки должен был пройти четыре мили от кромки берега до базы Амундсена, чтобы сообщить о прибытии нежелательных гостей. Впрочем, с отправкой вестового капитан норвежского барка тоже не торопился.

Когда Пеннел велел дежурному матросу сообщить сигнальной флажковой азбукой, что просит командира принять его у себя с дружеским визитом, Нильсен ответил традиционным сигналом: «Жду на борту». Причем тут же поинтересовался: «Сам капитан Скотт на судне?» И лишь получив ответ, из которого следовало, что капитана первого ранга Скотта на «Терра

Нове» нет, а старшим офицером на борту является первый помощник командира судна лейтенант Кемпбелл, тут же отправил матроса Людвиг Хансена на берег как гонца в лагерь Амундсена. Ну а встречать гостей на палубе «Фрама» поручил своему первому помощнику, лейтенанту военно-морского флота Норвегии Ялмару Ертсену, исполнявшему также обязанности судового врача.

– Командир судна велел сообщить вам, господа, – молвил Ертсен, представившись, – что не ожидал видеть судно капитана Скотта в Китовой бухте. Это не вписывается в нашу доктрину. Поэтому лейтенант очень удивлен вашим появлением на борту своего барка.

Ертсену было под тридцать. Перед Кемпбеллом предстал крепко сбитый моряк, с обветренным, но все еще со следами салонного благородства лицом. Старательно выбритый, без традиционной для норвежских моряков опоясывающей все лицо «шкиперской бородки», он представал бы перед Кемпбеллом по-настоящему европейским офицером английского образца, если бы не эта его грубоватая манера речи и отсутствие какой-либо джентльменской вежливости.

– Это мы должны быть удивлены, лейтенант, увидев в Китовой бухте, посреди Антарктики, судно господина Амундсена.

– Но это прямо вытекает из его доктрины, – вальяжно развел руками норвежец, давая понять, что «доктрина» – его любимое словечко.

– Из доктрины того самого Амундсена, который объявил всему миру, что отправляется на покорение Северного полюса? – парировал Кемпбелл, представив себя и своего спутника, лейтенанта Пеннела. – Из той доктрины, которой Амундсен уверял весь научный мир, что в 1910 году он начнет свой дрейф у берегов русской Чукотки, дабы, оставаясь закованным во льдах, со временем «причалить» прямо к Северному полюсу? Или вся его доктрина в том и заключалась, чтобы последовательно вводить мировую общественность в заблуждение?

Про себя Виктор успел заметить, что норвежец забыл уточнить, как того требовали правила офицерского этикета, что командир судна приятно, именно «приятно», удивлен появлением здесь английских коллег-полярников. Но проблема заключалась уже не в великосветской вежливости, которой потомки диких викингов вообще никогда не отличались. Все выглядело значительно серьезнее.

Однако Ертсен не стусевался. Судя по всему, он готов был к подобным обвинениям в непорядочности. Причем готовым оказался не только он, но и вся экспедиция Амундсена: эти люди знали, какой великосветско-научный грех брали на душу, отрекаясь от своих арктических намерений и поворачивая «ладью» на юг.

– Я не стану напоминать вам, – все же с иезуитской ухмылкой напомнил англичанам Ертсен, – о весьма неубедительных заявлениях американцев Фредерика Кука и Роберта Пири, выступивших недавно в сомнительной роли покорителей Северного полюса. Вы знакомы с ними не хуже меня.

– Только поэтому мы и считали, что водружением норвежского флага в самом сердце Арктики Амундсен намерен раз и навсегда развеять все сомнения относительно того, кто на самом деле по-настоящему покорил Северный полюс.

Первый помощник командира «Фрама» недовольно побряхтел; он и сам прекрасно понимал, что у современников и потомков возникнет несколько принципиальных вопросов к Амундсену, которые будут касаться прежде всего морально-этической стороны его слишком уж беспринципной «полярной доктрины». Но что он мог изменить в развитии событий, в которых лично от него ровным счетом ничего не зависело?

– В своей полярной доктрине, господа, – мрачновато произнес он, – Руал Амундсен всегда придерживался того мнения, что Антарктика, как и арктическое безбрежье, настолько велика, что места в ней хватит для всех желающих померяться силами с природой и соперниками.

16

Они спустились в кают-компанию, где стюард уже приготовил для них бутылку коньяку, плитки шоколада и слегка подогретые отбивные из тюленьего мяса.

– В том-то и дело, что команда Скотта прибыла сюда не для того, чтобы соперничать с кем-либо.

– То есть, хотите убедить меня, что, узнав о появлении на антарктическом побережье экспедиционной базы Амундсена, капитан Скотт тут же ретируется из ледового континента? – уже откровенно издевался Ертсен над англичанином и, забыв о тосте, залпом опустил свой бокал. – Что именно в этом заключается ваша антарктическая доктрина?!

– Ни в коем случае, – стоически стерпел этот выпад Виктор Кемпбелл. – Просто Скотт со своей командой прибыл сюда исключительно для того, чтобы заниматься научными исследованиями.

Только теперь хозяин кают-компании предложил выпить за мужество первопроходцев, независимо от их национальности и части света, в которой они совершают свои подвиги. Но даже этот суровый тост он произносил с таким выражением на лице, которое больше пристало хитрому портовому трактирщику, а не морскому офицеру.

– Мне говорили, что, исходя из своей доктрины, капитан нанял на судно целый отряд всевозможных ученых – зоологов, биологов, метеорологов и прочих, прочих... – молвил лейтенант Ертсен, и по тому, насколько скептической выглядела его ухмылка, Виктор понял, что такое пристрастие к ученому люду не вызывает у него ничего, кроме иронии.

– А еще – геологов, нескольких медиков, гляциологов...

– Значит, все-таки это правда? Полярная доктрина Скотта именно такова? – остался доволен своей мнимой дотошностью норвежец. – Он действительно решил убедить мир, что некие ученые изыскания значительно важнее для него, нежели британский флаг, водруженный на Южном полюсе? Верится с трудом, однако, в качестве доктрины, подобное развитие событий вполне допускается...

– Капитан Скотт действительно пришел сюда, чтобы исследовать континент, а не устраивать на нем ледовые гонки собачьих упряжек.

– Будем считать это заявлением для прессы, – процедил Ертсен с таким выражением лица, словно пытался превозмочь зубную боль. – А если просто, по-житейски?...

– Если не для прессы, то могу с уверенностью сказать, что ни одна экспедиция мира не имела в своих рядах такого количества ученых, – горделиво вскинул подбородок Кемпбелл. – Мы без труда можем сформировать Антарктический исследовательский институт, а то и Королевскую Антарктическую академию наук.

Это сообщение настолько не вписывалось в «полярную доктрину Амундсена», что тут же вызвало у норвежского офицера непроизвольный приступ гомерического хохота. И пока первый помощник командира «Фрама» умирал свой взрывной, а посему явно не нордический характер, англичанам оставалось лишь нервно поигрывать желваками.

– Зачем? – хрипловатым басом поинтересовался норвежец, как-то мгновенно прервав свой хохот. – Нет, действительно, зачем вам такое количество ученых мужей?! Исходя из какой такой доктрины? Зачем вам весь этот набор алхимиков?! Вы ведь, кажется, намерены идти к полюсу? Или, может, пресса неверно информировала нас о полярной доктрине капитана Скотта?!

– Естественно, поход к полюсу тоже входит в наши планы, – неохотно процедил Виктор Кемпбелл, словно речь шла о чем-то второстепенном. – Было бы странно, если бы мы не задавались и такой целью.

Лейтенант не знал, как повел бы себя в ходе этой встречи сам Скотт, но уже сейчас давал понять норвежцам, что основная цель экспедиции – не гонка к полюсу, а широкие научные исследования части континента. Тем временем Ертсен вновь наполнил бокалы испанским коньяком, очевидно, из тех запасов, которыми одарили команду Амундсена норвежские земляки-меценаты из Буэнос-Айреса²⁵, и, провозгласив тост за мудрость командиров экспедиции и здоровье ее членов, все-таки напомнил чопорно восседавшим в привинченных к полу креслам англичанам:

– Но, насколько я понимаю, для броски к полюсу нужны не кабинетные черви при научных степенях, а несколько хороших лыжников и, как минимум, один опытный каюр. А вот зачем Скотт тащил в Антарктиду целый табун маньчжурских пони, превращая судно в плавучую конюшню с сеновалом, – это остается для нас загадкой. Кони – в Антарктиде?... Посреди вечных льдов. Животные, требующие сотни тонн сена и воды?... – артистично развел руками норвежец. – Вместо собак, которые сами способны охотиться на пингвинов, чаек и тюленей...

– Кстати, опытных лыжников и каюров у нас тоже хватает, – проворчал Кемпбелл, поняв, что рассчитывать на Пеннела как на защитника престижа британской экспедиции бессмысленно.

– Извините, лейтенант, но мы, на «Фраме», в этом не уверены. Правда, в последний момент Скотт позаботился о том, чтобы в его команде появился хотя бы один знающий лыжник и по-настоящему умелый каюр, иначе не нанял бы в сугубо британскую команду норвежца Йенса Грана. – Лейтенант Ертсен выдержал ироническую паузу, позволяя англичанам ощутить всю прелесть этой дипломатической пощечины. – Но ведь даже присутствие в группе одного из опытных полярников-норвежцев ситуации спасти не способно. Тем более что Скотт не решится включить Грана в полюсную группу, поскольку он все же... норвежец.

– Формируя собственную группу для «броски к полюсу», Амундсен тоже будет делать ставку не на англичан.

– Нет, конечно, – не сгоняя с лица уже надоевшую Кемпбеллу ухмылку, охотно признал первый помощник командира «Фрама». – Кстати, мне хотелось бы знать: капитан Скотт находится сейчас на «Терра Нова» или действительно остался на берегу?

– Мы уже ответили на этот вопрос, – проворчал Пеннел. – Капитан первого ранга Роберт Скотт возглавляет континентальную группу, которая занимается устройством базового лагеря. Амундсен, насколько я понимаю, тоже ведь в каюте «Фрама» не отсиживается, а занимается организацией зимовки.

– В отличие от командира этого судна, – уточнил Кемпбелл, – так и не удостоившего нас своим посещением.

Однако Ертсен был не из тех, кого легко можно заставить стусеваться.

– Мы с командиром Нильсеном решили, что раз судно Скотта проделало немалый путь к нашей бухте, значит, и сам капитан должен находиться на его борту, – вкрадчиво объяснил он. – А поскольку своим посещением борт нашего судна господин Скотт не удостоил, то стоит ли удивляться, что и командир «Фрама» ведет себя сдержанно? Ему не понятна цель появления здесь «Терра Новы». Амундсена оно тоже удивит и насторожит. Самим фактом

²⁵ Финансирование, выделенное правительством Норвегии для экспедиции Амундсена, оказалось мизерным. Правительственные мужи исходили из того, что все равно первенство на Северном полюсе останется за американскими выскочками Ф. Куком и Р. Пири. Что же касается экспедиции в Антарктиду, то длительное время о подготовке к ней знали только брат Руала Амундсена, юрист экспедиции Леон Амундсен, и командир «Фрама» Торвальд Нильсен. Ну а главным спонсором экспедиции стал аргентинский промышленник норвежского происхождения Педро Кристоферсен, на деньги которого удалось закупить значительную часть необходимых припасов. К тому же он оплатил пребывание судна «Фрам» в порту Буэнос-Айреса. Морально компенсируя щедрость земляка, Амундсен назвал одну из вершин Трансантарктического хребта «горой Кристоферсена».

появления здесь. Возникает вопрос: уж не собираются ли подданные британской короны заявить свои права на эту бухту?

Как показалось Кемпбеллу, норвежский офицер спросил об этом без иронии, со всей возможной серьезностью.

– Мы появились в этой бухте не для визита на ваше судно и не в виде имперского демарша, – объявил британец. – На борту «Терра Новы» находится моя группа, которой приказано высадиться на Земле короля Эдуарда VII и в течение всей полярной зимы проводить исследования этого края. Ну а судно под командованием лейтенанта Пеннела вернется в Новую Зеландию, чтобы подремонтироваться, а затем дожидаться следующего полярного лета.

– Охотно верю, ибо такое же задание получила санная партия лейтенанта Кристиана Преструда, который находится сейчас в палатках, расположенных прямо на побережье, в то время как базовый лагерь Амундсена создан в четырех милях отсюда. Теперь, когда мы выяснили все, что нас с вами, джентльмены, интересовало, давайте просто посидим за рюмкой и вспомним те священные края предков, к которым нам всегда, из любых путешествий, хочется возвращаться.

Они провели в кают-компании еще минут пятнадцать, затем, как и подобает вежливому хозяину, Ертсен провел для британцев небольшую экскурсию по судну, на палубах и в трюмах которого все еще находилась значительная часть антарктического груза.

– И как скоро Амундсен намерен совершить этот свой бросок к полюсу? – спросил Виктор о том, что сейчас больше всего интересовало англичан, особенно капитана Скотта.

– Он уже совершает его, господа! – восторженно округлил глаза норвежец, удивляясь наивности их вопроса.

– Что вы хотите этим сказать? Что капитан Амундсен уже повел свою группу к полюсу, а не находится на своей экспедиционной базе, куда был послан ваш гонец?

– У капитана Амундсена только одна цель – водрузить норвежский флаг на полюсе и вернуться на базу. Никаких изнурительных рейдов вдоль побережья, никаких геологических экскурсий в горы он не планирует; ни на какие крупные научные изыскания не претендует, – уже откровенно подначивал Ертсен зациклившихся на излишней «учености» англичан.

– Но это явно не исследовательский подход.

– Все научные изыскания мы, неученые викинги, возлагаем на ученую экспедицию британца Скотта. Доктрина Амундсена – это доктрина викингов: флаг – на полюс, после чего без потерь вернуться на базу «Фрамхейн», свернуть её и тотчас же покинуть эти «приветливые» берега.

– План, прямо скажем, незамысловатый, – скептически подытожил Пеннел.

– Повторюсь, господа: «доктрина викингов». Этим все сказано. Уже сейчас наши вспомогательные группы, не растрачивая ни сил, ни запасов, продвигаются в сторону полюса! – продолжал тем временем Ертсен уверенно излагать «полярную доктрину» Амундсена. – Только в сторону полюса! Закладывая там склады и выстраивая обведенные снежными валами иглу, в которых основная группа могла бы найти надежный приют при любой, пусть даже самой жестокой, непогоде. После нас сюда придут сотни экспедиций, которые исходят, опишут, исследуют, измерят и выверят, дадут названия и нанесут их на карту... Но первый покоритель полюса на века останется первым, поскольку все прочие будут уже вторыми. И весь мир будет помнить, что первым вновь оказался норвежец – вот в чем суть полярной доктрины Амундсена!

«Многое я отдал бы за то, чтобы капитан Скотт мог слышать эти рассуждения норвежца, – молвил про себя Кемпбелл. – Возможно, тогда он совершенно по-иному выстраивал бы свою собственную „полярную доктрину“, сохраняя людей и животных для того единственного, ради чего действительно стоит жертвовать и этими людьми, и этими животными.

Но... судя по всему, Скотт так и не способен понять, насколько он расточителен в своих ресурсах!»

17

Британцы уже подошли к трапу, чтобы спуститься в свой китобойный баркас, когда на палубе показался рослый худощавый джентльмен в короткой меховой куртке с высоким пышным воротом. После того как Ертсен откомендовал его как командира судна, Торвальд Нильсен великодушно поприветствовал англичан вежливым, великосветским склонением головы.

– Надеюсь, отдых английских подданных на судне Норвежского королевства был приятным?

– Несказанно приятным, сэр, – процедил Кемпбелл. – Рады будем видеть вас и господина Амундсена на «Терра Нова» с ответным визитом. В любое удобное для вас время.

– Ваше приглашение будет передано, – с той же вежливостью дворецкого заверил их командир барка.

...А спустя два часа после возвращения британцев на свое судно, которое стояло теперь у прибрежного глетчера, в четверти мили от «норвежца», из-за ближайшей скалы на прибрежную равнину выскочила собачья упряжка с каюром и пассажиром.

– Вот и гонец от Амундсена вернулся, – прокомментировал ее появление Пеннел, который только что проследил за швартовкой судна.

– А сам Амундсен разве не с ним? – спросил Кемпбелл, берясь за подозрную трубу.

– Если он таковым представится, – пожал плечами Пеннел, пребывая в таком же подавленном состоянии.

Все то время, которое прошло с момента возвращения на «Терра Нова», лейтенант Кемпбелл чувствовал себя так, словно уже через час должен докладывать Скотту, что соперник, оказывается, давно у «стен» Антарктиды и даже стучит рукоятью меча в ворота, вызывая на поединок.

– Здесь – лейтенант Кристиан Преструд! – в рупор прокричал человек, который только что подъехал на нартах к их «причалу». – С кем имею честь?!

Кемпбелл тоже взял из рук вестового матроса предусмотрительно доставленный рупор и прокричал в ответ:

– Я – лейтенант Кемпбелл! Первый помощник капитана! Слушаю вас, лейтенант!

– Командир Национальной экспедиции Его Величества короля Норвегии господин Руал Амундсен приветствует британскую экспедицию в бухте Китовой! Он также приглашает вас, лейтенант Кемпбелл, и ваших спутников к себе, на основную экспедиционную базу «Фрамхейм»!

Британские офицеры переглянулись.

– Вызов нужно принимать, господа, – поспешил с советом Левик. – Пока вы будете исполнять роль восторженных гостеприимством почетных гостей, я постараюсь познакомиться с их врачом и выведать все, что только можно, об экспедиции, средствах, а главное, сроках похода к полюсу.

– Амундсен ждет вас уже сегодня! – напомнил норвежец. – Мы готовы выделить вам еще одну упряжку и каюра! Всего четыре мили от береговой стоянки!

– Наша группа будет состоять из трех офицеров, – прокричал Кемпбелл, – меня, штурмана судна лейтенанта Пеннела и лейтенанта, корабельного доктора Левика!

– Сочтем за честь провести время в столь достойной компании! – последовал ответ Преструда.

Кемпбелл еще на какое-то время замешкался, но затем, отбросив сомнения, назначил старшим на судне лейтенанта Пристли и приказал Пеннелу вновь спускаться на воду китобойный баркас.

Лейтенант Преструд оказался приземистым рыжебородым увальнем, фигурой и походкой напоминающим медведя, который забыл, что давно должен был впасть в зимнюю спячку. Это был добродушный розовощекий здоровяк, которого совершенно не интересовали закулисные игры руководителей двух экспедиций и который искренне радовался самой возможности увидеть перед собой новых людей, пришедших на незнакомом судне. Замкнутый экспедиционный круг людей и ледовая пустыня Антарктиды явно тяготила Преструда; его широкая душа нуждалась в такой же широте общения.

Все они легко могли разместиться на одних нартах. Однако, узнав, что Амундсен не намерен прятать свою базу «Фрамхейм» от англичан и вообще настроен по отношению к ним благодушно, командир «Фрама» Нильсен решил, что неправильным будет держаться в стороне от людей Скотта и вместе со своим первым помощником Ертсеном тоже поспешил на берег. И вскоре в экипаже первых нарт, ведомых матросом-каюром, оказались Преструд, Нильсен и Кемпбелл, а вторых – Ертсен, Пеннел и Левик.

– Это правда, что капитан Скотт терпеть не может собачьих упряжек и предпочитает только лошадиные? – первым нарушил молчание Нильсен, очевидно, пытаясь компенсировать холодность, с которой встречал Кемпбелла на борту своего судна. К тому же он явно рассчитывал оказаться среди гостей «Терра Нова».

– У нас в ходу оба вида упряжек, – уклончиво ответил британец.

– Но предпочитает он все же маньчжурских пони, – настоял на своем Нильсен. – Представляю себе это зрелище: капитан первого ранга Скотт, гарцующий посреди глетчера на пони! Картина, достойная кисти Микеланджело!

– А капитан, гарцующий на собачьей упряжке, вас не вдохновляет?

– Ну, согласитесь, что собачья упряжка – естественный вид транспорта на всех полярных территориях.

– Взгляните на скалы, открывающиеся по «правому борту», – решил вклиниться в их сомнительный диалог Кристиан Преструд. – Разве их красота не достойна Швейцарских Альп?

Нильсен и Кемпбелл умолкли, взглянули в ту сторону, куда указывал Преструд, и увидели нагромождение серых скал и валунов. Чтобы уловить в нем красоту Швейцарских Альп, нужно было напрячь мыслительную фантазию. Однако цели своей лейтенант достиг: норвежец и британец прекратили накалять страсти вокруг достоинств и недостатков экспедиции Скотта и принялись рассматривать пейзажи ледовых предгорий.

Нарты полярников то взлетали на продуваемое северными ветрами взгорье, то вновь оказывались в насквозь промерзшей, исполосованной глубокими трещинами долине, однако чувствовалось, что маршрут был хорошо освоен и каюрами, и их упряжками, поэтому расстояние в четыре мили путешественники преодолели относительно быстро и без каких-либо приключений. Если только не считать стаи ленивых и совершенно неуступчивых в своем губительном любопытстве пингвинов, которые, преградив один из сложных участков дороги, заставляли собак вспомнить о своих охотничьих инстинктах, а офицеров – о пистолетах.

Лагерь Амундсена открылся Кемпбеллу неожиданно. Собачья упряжка долго тащилась между двумя ледяными скалами к перевалу, а как только вырвалась на небольшое плато, в долине возникли большой, приземистый дом с несколькими складскими пристройками, две зеленые палатки и отдельно стоящая хижина, служившая, судя по всему, метеостанцией, а заодно и аварийным пристанищем.

Облаченный в унты, утепленные кожаные штаны, короткую кожаную куртку на меху и черную кожаную шапку с надетыми на нее очками, Амундсен напоминал авиатора, самолет которого совершил где-то поблизости вынужденную посадку. На вид ему было около пяти-

десяти, хотя Виктор помнил, что он моложе их сорокатрехлетнего Скотта, капитан сам как-то заговорил об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.